

ТЕНИ ПОД КУПОЛОМ ТЪМА НА ОРБИТЕ

АЛЕКСАНДР ДЕЛИНСКИЙ

Тени под Куполом

Александр Делинский

Тьма на орбите

«Автор»

2026

Делинский А.

Тьма на орбите / А. Делинский — «Автор», 2026 — (Тени под Куполом)

Прорвавшись сквозь купол, Елена открывает для племени путь в Москву — живой город, который стирает память и подчиняет волю. Теперь она — Дверь, единственная, кого слышит и признаёт сам купол. Но чтобы спасти тех, кого любит, Елене придётся выбрать: остаться человеком или стать силой, которая способна разрушить весь порядок изнутри.

Содержание

Глава 13. Война теней	5
Глава 13. Часть 2	19
Глава 13. Часть 3	26
Глава 13. Часть 4	33
Глава 14. Вспышка в небе.	39
Глава 14. Вспышка в небе. Часть 2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Делинский

Тьма на орбите

Глава 13. Война теней

Глава 13. Часть 1. Война теней

Я до сих пор слышала, как трещит небо.

Иногда ночью, когда я поднимала голову и видела над собой звёзды — настоящие, острые, холодные — мне казалось, что вот-вот снова пойдёт тот звук. Хруст. Скрип. Стон железа и стекла. Голос купола, умирающего над Москвой.

Кто-то из наших говорил: «Прошло уже столько времени. Забудь». Но время ничего не меняло. Внутри всё ещё жила та ночь, когда корабли ударили по куполу.

Это началось не сразу.

Сначала была тишина.

Мы стояли на опушке, в тени деревьев, откуда было видно, как над Москвой висит тень. Она висела там уже не первый день, не первый год — тёмный, ровный силуэт, геометрический, как вырезанный из ночи. Обычные облака двигались, менялись, рассыпались. Эта штука — никогда.

— Опять смотрят, — буркнул один из охотников, щурясь, как будто мог разглядеть сквозь тьму, кто там сидит.

Никто ему не ответил. Слова про «они» давно стали привычкой. Все знали, что «они» есть. Никто не знал к чему это приведет.

Костры в лагере догорали. Дети уже спали, сбившись в кучки у палаток. Женщины перешёптывались у углей, завязывали мешки с сушёным мясом, проверяли бинты, зелья. Мужчины чистили ножи и топоры, но делали это как-то вяло — как люди, которые ждут удара, но не знают, откуда он.

Я сидела чуть в стороне, на поваленном стволе, и смотрела на купол.

Из этой точки он занимал почти весь горизонт. Огромная, гладкая полусфера, переливающаяся тусклым светом. В какие-то моменты по его поверхности пробегали волны — будто гигантский зверь под кожей шевелился. Иногда казалось, что он дышит.

Браслет на моей руке был тихим и тяжёлым. Но внутри, под кожей, что-то дрожало.

Ты чувствуешь, — сказал купол. Или не только он. — Они близко.

Я сжала зубы, чтобы не ответить вслух.

— Опять? — Мик опустился рядом, облокотился на тот же ствол. — Он шепчет?

Я глухо хмыкнула.

— Он не умеет молчать.

— А ты умеешь не слушать. — попытался он пошутить.

Я посмотрела на него. В темноте его лицо казалось старше — тени делали черты резче, глаза глубже. Он пытался держаться легко, но я видела, как на шее у него дергается жилка. Он тоже боялся.

— Если бы умела, — сказала я, — нас бы сейчас не было здесь.

Он на секунду перестал улыбаться.

Мы замолчали. Ветер шевелил ветви, костёр тихо потрескивал, где-то внизу по склону бежала река — её шум всегда был здесь, фоном. Всё было как всегда. И в то же время — нет.

Над городом тень дрогнула.

Она не сдвинулась с места, но в её чёрном теле проскользнула светлая линия, как трещина. Потом ещё одна. На мгновение показалось, что сам силуэт стал больше — или это купол под ним стал меньше.

— Ты это видела? — Мик напрягся, привстал.

— Видела.

Браслет на руке словно проснулся. Сначала — лёгкое покалывание под кожей. Потом — тепло. Слабое мерцание, пробившееся сквозь металл.

Голоса усилились. Уже не шёпот. Шум. Пулемёт из слов, обрывков команд.

Протокол отключение доступ ключ

— Лена? — Мик говорил уже совсем другим голосом. — Что с тобой?

— Они двинулись, — сказала я.

Я не успела ни чего объяснить. В этот миг по куполу пошла первая волна.

Сначала я приняла её за свет молнии. Небо над Москвой на секунду ослепительно вспыхнуло — белым, режущим, как раскалённое железо. Воздух отозвался глухим ударом, будто кто-то ударил в гигантский барабан.

Купол вспыхнул — весь, сразу. Внутри, под его поверхностью, побежали тёмные жилы, линии, которые я раньше не видела. Они образовали сеть — тонкую, нервную, как корни дерева.

Потом ударил звук.

Не гром. Не взрыв. Хруст. Как если бы кто-то огромный разом сжал и перекрутил небесную скорлупу.

Люди в лагере вскочили. Женщины подхватили детей, мужчины рывком схватились за оружие. Собаки завyli, шерсть на их спинах стала дыбом.

— Что это?! — выкрикнул кто-то.

— Купол — прошептала Тайра. — Его ломают.

Она стояла у своего шатра, опираясь на посох. В дрожащем свете костра её лицо казалось вырезанным из старой коры. Но глаза были живыми — слишком живыми. И в них было не удивление. Узнавание.

Вторая вспышка была сильнее.

На этот раз я успела увидеть, откуда она пришла.

Тень над Москвой зажглась изнутри. Геометрический силуэт, который всегда был чёрным, вдруг прорезали линии — прямые, хищные, яркие, как острые ножи света. Они сложились в узор. На миг он напомнил мне символы, которые иногда вспыхивали у меня на браслете. Потом — удар.

Лучи, прямые, как копыя, сошлись на куполе.

Сначала они прошли по его поверхности, скользя, как щупальца. Купол ответил — вспыхнув. Его свет стал резче, плотнее. По нему пошли круги — концентрические, идеально ровные.

У меня в голове кто-то заорал.

Не человеческим голосом.

Перегрузка. Атака. Внешнее вмешательство. Ключ ключ

Я сжала виски ладонями. Земля под ногами дрогнула. Волосы на руках поднялись.

— Лена! — Мик схватил меня за плечи. — Слышишь меня?!

Я попыталась выдохнуть, но воздух был густым, как вода. Браслет на руке вспыхнул ярче, на секунду озарив нам лица. Металл был горячим, как только что вынутый из огня.

Ты — дверь, — сказал голос. — Открытие начато.

— Нет, — прошептала я. — Нет

Но корабли не спрашивали.

Где-то глубоко под куполом, в сердце города, тоже зазвенел тревожный звонок.

Кир стоял в зале управления, освещённом холодным белым светом. Перед ним — дуга экранов, над ним — купол, но другой, внутренний, из металлических конструкций и стекла. Все панели горели цифрами, графиками, картами.

— Сектор С-4, перегрузка, — отчеканил оператор. — Зафиксировано внешнее излучение нестандартного спектра. Источник — орбитальные объекты классификация: неизвестные.

— Не может быть «неизвестных», — спокойно сказал Кир. Его голос отличался от голосов тех, кто вокруг — в нём никогда не было паники. Только усталость. — Включите старые протоколы. Сверьте с архивами.

— Архивы — оператор замялся. — Доступ ограничен.

Кир резко повернул голову. В его взгляде мелькнул огонёк.

— Снимите ограничение. Код доступа К-17-β.

На экране, где секунду назад мерцало красное «запрещено», знаки сменились на зелёные. Потекли новые строки. Кир читал их глазами, не моргая.

— Совпадение по сигнатуре — пробормотал оператор. — Восемьдесят девять процентов
Объекты классифицируются как

Он замолчал.

— Ну? — спросил Кир.

— Небесные.

Слово повисло в воздухе. В зале на секунду стало тише, хотя и так слышно было только шорох пальцев по панели и приглушённый гул кондиционеров.

Кир выпрямился.

— Поднять уровень угрозы до максимального. Включить внутриреакторную подпитку купола. Перевести все стационарные системы через режим защиты. — Он говорил так, как будто заранее выучил эту речь. Как будто кто-то когда-то уже писал её за него. — И свяжите меня с Волгиным.

На ближайшем экране вспыхнуло лицо правителя Москвы. Его улыбка была всё той же — мягкой, контролируемой. Но в глазах мелькнула тень раздражения.

— Кир, — сказал он ровно. — Ночь. Ты выбрал неудачное время для разговоров.

— Время выбрали не мы, — ответил Кир. — Небесные.

На лице Волгина на секунду исчезла маска. Улыбка сменилась чем-то более честным — страхом или яростью. Потом он взял себя в руки.

— Подтверждение?

— Архивные сигнатуры. Внешняя атака на купол. Они бьют по периметру.

Волгин глубоко вдохнул.

— Защитный режим?

— Уже. Но — Кир бросил взгляд на графики. — Мощность купола недостаточна. С тех пор как вы урезали энергоподачу

— Я урезал её, — мягко перебил Волгин, — чтобы город не взорвался от собственной жадности.

— Теперь он может взорваться от чужой, — сухо ответил Кир.

На мгновение их взгляды встретились — через километры, через стекло, через провода. Два человека, каждый из которых привык решать, кто живёт, а кто нет.

— Держите купол столько, сколько сможете, — сказал наконец Волгин. — Если они пришли за нами мы не спрячемся.

— Думаете, они пришли за нами? — тихо спросил Кир.

Волгин не ответил. Связь оборвалась.

А сверху, над городом, Небесные били по небу.

Вторая волна мы почти увидели.

Корабль — тень — перестал быть просто пятном. Он словно развернулся. Его геометрия стала сложнее, объёмнее. Из его корпуса выползли новые линии — тонкие, но плотные, как жилы на руках. Они потянулись к куполу.

Воздух задрожал. Уши заложило, будто меня окунули под воду. Вкус железа заполнил рот.

Я видела, как по поверхности купола побежали вспышки — в тех местах, куда попадали лучи. Они сначала просто сверкали, как точки. Потом начали расти. Точки превратились в круги. Круги — в пятна. В этих пятнах поверхность купола темнела, словно её прижгли.

— Они его прожигают, — выдохнул кто-то рядом.

— Это не прожиг, — сказала Тайра. — Это вскрытие.

Её голос был странно ровен. Как будто она не боялась. Как будто смотрела не на конец мира, а на давно ожидаемое событие.

— Что ты знаешь? — Огнар шагнул к ней, тяжелый, как скала. Его голос звенел яростью, но в ней было и другое — паника. — Ты знала, что они придут?!

Тайра не отвела взгляд от неба.

— Старые истории знали, — сказала она. — Я — только слушала.

— И не сказала нам? — рявкнул он.

— А ты бы послушал? Это могло произойти и через сотни лет, а не сейчас. — спокойно сказала она.

Их спор был где-то рядом, но я слышала его словно через толщу воды. Всеми фибрами я была в другом месте. Там, где свет Небесных бил в купол, а купол отвечал.

Внутри головы купол уже орал не просто от боли. Он пытался говорить.

Вход внешняя матрица ошибка несовместимо ключ активен активен

Слова сыпались, как стекло. Они не складывались в фразы, но я понимала суть: он не справляется.

Я сделала шаг вперёд, не осознавая, куда иду. Мик поймал меня за локоть.

— Лена, стой.

— Я я могу — слова вязли, язык был ватным. — Я чувствую если я

Я не успела закончить.

Третья волна не была похожа ни на одну из предыдущих.

Не было вспышки. Не было громкого хруста. Был только свет.

Свет прошил купол насквозь.

На миг всё вокруг стало белым. Не просто светлым — без цвета. Лес исчез. Люди исчезли. Остался только звук — тонкий, высокий, как скрип металла под сверхнагрузкой.

А потом белое сменилось чёрным.

Я увидела их. Настоящих. Корабли, не смутный силуэт скрытый за темными тучами, а четкие и отчетливые.

Тень Небесных стала ближе. На её фоне звёзды казались ещё мельче, ещё беспомощнее. Линии на корпусе горели, как раны.

А под ними купол трескался.

Теперь это было видно не только мне. По его поверхности побежали трещины. Сначала — тонкие, как линии на ладони. Потом — шире. Трещины переплетались, образуя сеть. В классах города, где когда-то преподавали геометрию, это назвали бы «структурным разрушением». В лесу это называли проще:

— Он ломается.

— Назад! — заорал Огнар. — Все назад! К оврагу! Живо!

Племя рвануло в сторону. Женщины подхватывали детей, тащили за собой мешки, бросали одеяла. Кто-то что-то кричал, кто-то молился, кто-то просто бежал, не оглядываясь. Земля дрожала под ногами.

Я стояла.

Мик выругался, грубо дёрнул меня.

— Ты что, хочешь, чтобы тебя придавило, ведьма?!

— Слушай — прошептала я.

И он услышал.

Купол не просто трескался. Он пел.

Из него шёл звук. Низкий, почти неслышимый, но такой, от которого внутри всё вибрировало. Это был не голос машины и не голос человека. Это было что-то среднее.

— Он — Мик сглотнул. — Он живой?

Я не успела ответить.

Один из фрагментов купола взорвался мелкими яркими крошками.

— Ложись! — заорал кто-то.

Люди бросились к земле. Я стояла. Не потому что была смелее — потому что не могла пошевелиться.

Купол, ещё живой, ещё чувствующий, отозвался на меня.

Но голос его уже был слабее. — Ты была ключом.

Он хрипел. Если бы у города были лёгкие, сейчас они бы наполнялись кровью. Если бы у купола было сердце, оно сейчас рвалось бы.

А Небесные били дальше.

В городе ночь уже давно перестала быть тёмной. Она была серой, ровной, удобной. Под куполом всегда царил мягкий свет — рассвет, который никогда не переходил в полдень. Люди привыкли к этому. Их глаза забыли, как смотреть в настоящую тьму.

Когда небо впервые вспыхнуло, многие подумали — обновление.

В одной из спальных башен женщина вышла на балкон, держа в руках кружку с горячим напитком, и посмотрела вверх.

— Опять профилактика, — сказала она, и голос её был почти равнодушен. — Системы реновации купола.

Ребёнок рядом, её сын, тоже задрал голову.

— Мам, а там это звезда?

На секунду в разломе между световыми полосами мелькнула крошечная точка. Настоящая. Чужая.

Женщина нахмурилась.

— Нет, — сказала она быстро. — Так быть не может.

В другом секторе мужчина высунулся из окна офиса, где остался допоздна. На его глазах по куполу побежала трещина. Он никогда не видел трещин на небе. У него внутри всё оборвалось.

В подземной капсуле сна одна из жителей проснулась раньше времени. Её сон прервал не мягкий сигнал будильника, а тот самый скрип, который шёл прямо в кости. Она села, прижимая ладони к ушам, но звуки никуда не делись.

— Артефактный шум, — мягко сказал голос системы. — Пожалуйста, оставайтесь на местах. Город защищён. Купол защищён. Купол

Голос оборвался.

И в ту же секунду купол треснул.

Женщина на балконе закричала. Мужчина в офисе отпрянул от окна. Девушка в капсуле сжалась в комок.

Осколки неба падали вниз.

Мы видели это из леса. Для нас это было красиво и страшно одновременно.

Купол не падал одним куском. Он распадался. Трещины разъедали его структуру, и по ним вниз летели фрагменты. Они горели, как метеоры.

С высоты это наверняка выглядело бы как фейерверк. Снизу — как конец света.

— Они убивают их, — выдохнул кто-то у меня за спиной.

— Или освобождают, — тихо сказал другой.

Лагерь племени скукожился у оврага. Люди прижимались друг к другу, кто-то плакал, кто-то молился своим богам, кто-то просто смотрел. Никто не понимал, что чувствовать.

Огнар стоял, упершись руками в борт склона, и смотрел на город. В его глазах не было ни ужаса, ни восторга. Там был расчёт.

— Теперь они уязвимы, — сказал он глухо. — Без купола. Без стены. Город открыт.

— Открыт для чего? — спросила Тайра.

Огнар не ответил.

Браслет на моей руке горел ровным светом, но внутри уже не было того пламени, что раньше. Купол слабел. Связь рвалась.

— Они — пробормотала я. — Они вошли.

Я не видела, но ощущала.

Небесные не просто били снаружи. Они подключались. На какой-то момент их сигналы смешались с сигналами купола. Как будто два голоса пытались говорить одновременно, перебывая друг друга.

Сброс протокол эвакуация неопределённый ключ аномалия

Слово «аномалия» полоснуло по мне, как нож. Я знала, что оно про меня.

— Лена, — Мик тронул меня за плечо. — Ты с нами?

— Не знаю, — честно ответила я.

В этот момент последняя крупная часть купола сломалась.

Это было — как если бы на глазах у живого человека переломали позвоночник. Весь каркас дрогнул. Свет внутри вспыхнул последний раз — ярко, так, что глаза заслезились. Потом — погас.

Тень Небесных зависла над голым городом.

Над Москвой в первый раз за долгие годы открылось настоящее ночное небо. Без фильтра. Без стенки. Без купола.

И это было не так, как в легендах.

Страх.

Потому что там, где должно было быть только небо, теперь были они.

Корабли.

И голос.

Он больше не прятался. Теперь он звучал не из глубины купола, не из браслета, а сразу отовсюду.

— Контур снят, — говорил он. Тем же странным, нечеловеческим, но понятным голосом.

— Объект открыт. Доступ к поверхности получен.

— Кто ты? — прошептала я. — Кто вы?

Ответ прозвучал и во мне, и над городом, и, казалось, в каждом дереве.

— Мы — те, кто вернулся за своим.

Браслет на мгновение стал ледяным.

— И что — язык едва ворочался. — Что твоё?

Голос будто улыбнулся.

— Ты.

Меня затошнило.

— Всё, — сказал кто-то рядом. — Для них неба больше нет.

— Наоборот, — тихо ответила я. — Теперь оно есть.

Над нами висела ночь. Живая, глубокая. Звёзды казались чужими — слишком далекими, слишком равнодушными. Корабли — наоборот — были рядом. Их тени перекрывали часть созвездий, как пятна.

Племя постепенно начинало шевелиться. Кто-то встал. Кто-то поднял ребёнка, вытирая ему лицо от пыли. Кто-то выплюнул проклятие в сторону города.

— Они получили по заслугам, — сказал охотник с ожогом на щеке. — Грязь, которая жила под стеклом.

— А ты знаешь, кто там был? — тихо спросила Тайра. — Люди. Такие же, как мы. Только им всю жизнь говорили, что за стеклом нет ничего.

Он отвёл взгляд.

Огнар развернулся.

— Всё, — сказал он. — Жалеть город смысла нет. Он падёт — с нашей помощью или без. А этот момент — наш шанс. Без купола у них нет защиты. Мы заберём всё, что нам нужно, пока Небесные заняты своим.

— Ты думаешь, им есть дело до нас? — спросил кто-то.

— Если есть — тем более надо торопиться, — ответил Огнар.

Я слушала их голоса, но слова почти не доходили. Внутри всё ещё звенело. Там, где раньше был купол, теперь была пустота. Точнее — то, что казалось пустотой, но было слишком наполненным.

Голос Небесных где-то в глубине отступил, как волна, которая только что накрыла берег и ушла обратно, оставив за собой мокрый песок.

Купола не было. Его голос исчез. Умер. Гул в моей голове стал тише. Но вместе с ним ушло и что-то ещё. Сломался привычный мир. Оборвалась связь, к которой я, как ни странно, успела привыкнуть.

— Ты как? — Мик сел рядом, ещё грязный от пыли.

— Пусто, — сказала я честно.

Он кивнул, хотя вряд ли понимал до конца.

— Ты его слышала, да? — спросил он. — Как он умирал.

— Да.

— Что он сказал напоследок?

Я закрыла глаза.

Купол ничего не сказал. Он просто исчез. А вот кто-то другой — сказал.

— Что контур снят.

Мик нахмурился.

— Какой ещё контур?

— Не знаю, — сказала я. — Может, тот, который держал нас всех.

Он тихо выругался.

Я снова подняла голову.

Звёзды смотрели на нас сверху. Они ничего не знали ни про наши племена, ни про город под куполом, ни про Небесных. Им было всё равно. Но мне — нет.

Мир стал шире. И страшнее.

И где-то там, над нами, висели те, кто назвал меня своим.

С тех пор прошла всего одна ночь. Утро ещё не началось. Но для меня время уже разделилось.

До.

И после.

До — это купол над городом, фальшивое небо, шёпот системы в голове, тесная клетка, в которой все жили, даже не понимая, что она есть.

После — это открытое небо, Небесные, молчание там, где раньше был голос купола, и новый голос, который говорил, что я — дверь.

Я сидела на холме и смотрела туда, где вместо ровной линии купола теперь торчали обломки башен, дым, огонь. Москва больше не сияла гладким шаром света. Она дымилась. Казалась живой и раненой одновременно.

Тишина всегда кажется мёртвой, но то, что накрыло нас после вспышки, было иным. Будто из мира вынули дыхание, и даже воздух вокруг перестал быть настоящим. Ещё мгновение назад над головой гудели панели купола, мигали огни, в черепе трещало привычное многоголосое шипение, а теперь — пустота. Ни звука, ни намёка на прежний шёпот.

Грудь наполнилась тяжестью, вдох делался с трудом, словно воздух сопротивлялся. Старая привычка прислушиваться к внутреннему фону не принесла ничего: мёртвый эфир, давящий, как вакуум. Молчание оказалось страшнее любого крика.

— Лен? — осторожное прикосновение к плечу заставило вздрогнуть, словно от удара током. Голос Мика прозвучал хрипло и чуждо. — Ты слышишь?..

Голова качнулась в ответ — отрицание. Слова с трудом слетели с пересохших губ:

— Ничего. Совсем.

Позади племя сбилось плотной кучкой у костров. Женщины прижимали детей, мужчины сжимали оружие, хотя врагов не было видно. Собаки завывали и уткнулись мордами в землю, будто почуяли что-то, что людям недоступно. Воздух пах озоном, горелым пластиком и страхом.

Вперёд вышла Тайра. Седые волосы трепал ночной ветер, глаза горели отражённым пламенем. Она провела рукой по воздуху, словно ощупывая невидимую ткань мира, и заговорила так тихо, что каждый уловил её слова:

— Это не тишина. Это ловушка. Так всегда бывает: когда голоса смолкают, значит, они слушают.

— Чушь, — рявкнул Огнар. На плечах звериная накидка вздыбилась, словно живая. — Старая, тебе всё мерещится. А я вижу другое: купол погас. Дроны валяются мёртвыми. Охраны больше нет. Москва открыта.

Его рука метнулась к горизонту. Там, где обычно переливался синий свет силового поля, зияла пустота. Лишь редкие искры гасли в воздухе, словно угли в костре.

Сердце ухнуло вниз. Всю жизнь купол казался живым — пульсирующим, дышащим, неотвратимым. Теперь же над городом торчали голые башни, чёрные, мёртвые, и никакой защиты больше не было.

В рядах племени раздался ропот — радостный и испуганный одновременно.

— Это наш шанс, — голос Огнара ударил, как барабанный бой. Племя уже кивало ему, ещё не решившись окончательно, но готовое подчиниться. — Москва ничья. А значит, наша.

В горле встал ком. Слишком просто. Слишком правильно, чтобы быть правдой. Пустота вокруг отзывалась холодным эхом внутри, давила на виски, гнала в дрожь.

Сквозь этот холод прорезался шёпот — тихий, чужой, почти неуловимый: «Не верь им».

Вздвогнув, оглянулась на тёмный лес за спиной. Никого. Только Мик стоял рядом, и его взгляд прожигал тревогой. Он видел, как что-то происходит, хотя сам ничего не слышал.

— Лен — его голос едва дрогнул. — Если они войдут в Москву ты пойдёшь?

Ответа не нашлось. Слова будто замёрзли внутри.

Ропот в племени нарастал, словно ветер перед грозой. Кто-то выкрикивал радость: «Город наш!», другие шептали молитвы, крестились по-своему — кулаком по груди, пальцами к небу. Дети жались к матерям, глаза их блестели в отблесках костров. Казалось, весь лагерь одновременно оказался на краю пропасти и сделал шаг вперёд.

Огнар поднял руку, и шум стих, будто кто-то обрубил звук.

— Мы идём, — произнёс он тяжёлым, железным голосом. — Сейчас.

Слова его повисли над нами, и племя, не задумываясь, двинулось. Кто-то начал собирать оружие, натягивать броню из обломков пластика, поправлять ремни. Люди двигались быстро, сосредоточенно, будто ждали этого момента всю жизнь.

Тайра не шевельнулась. Стояла, прислонившись к кривому дереву, и смотрела на Огнара так, словно видела не его, а кого-то другого, невидимого.

— Торопись, — тихо сказала она. — Москва не звала тебя. Она сама открыла ворота, и значит, ждёт кого-то другого.

— Хватит загадок, — отрезал Огнар. — Город пуст. Электронные псы сдохли. Дроны лежат грудой. Это дар для тех, кто готов взять его.

— Дар? — Тайра усмехнулась, губы её дрогнули. — Или приманка?

Лагерь взорвался новой волной разговоров. Сомнения Тайры вселили в людей неуверенность. Несколько воинов переглянулись, кто-то потянулся к ней, словно ища защиты в словах.

Но Огнар резко вскинул топор. Лезвие сверкнуло в темноте.

— Москва наша, — прорычал он. — Кто сомневается — останься. Остальные — со мной.

Толпа качнулась. Сила в голосе вождя всегда перевешивала страх. Люди потянулись за ним, словно река, вырвавшаяся из русла.

Мик наклонился ко мне, губы едва коснулись уха:

— Они рвутся в пасть. А мы?..

Ответить не удалось — слова снова не находились. Лишь шагнула вслед за племенем, сердце билось в висках.

Мы двинулись по выжженной земле. Пепел хрустел под ногами, костры оставались позади, всё тише, всё дальше. Казалось, сама тьма неба наблюдала за нашим движением.

Вскоре показался горизонт. Москва лежала перед нами, темнее неба, словно огромная туша мёртвого зверя. Башни тянулись ввысь, острые, рваные, и в их окнах не горело ни одного огня. Город без купола выглядел обнажённым, уязвимым, но от этого ещё страшнее.

И тогда в поле зрения вынырнули силуэты.

Сперва — всего несколько точек, потом больше, десятки. Они двигались с другой стороны, параллельно нам, и быстро сокращали расстояние. Вскоре стало ясно: это не горожане. Это другие.

— Алаф, — процедил Огнар, стиснув зубы.

Силуэты приблизились, и можно было разглядеть — племя, вооружённое до зубов. Мужчины с копьями и дубинами, женщины с луками. Впереди шёл сам Алаф — высокий, широкоплечий, с лицом, покрытым белыми полосами краски. В его глазах светилась та же жажда, что и в глазах Огнара.

Он остановился на расстоянии десятка шагов и поднял руку.

— Москва не твоя, Огнар, — сказал он громко, так, чтобы слышали все. Голос его был низкий, гулкий, словно удар по барабану. — Она наша. Общая.

Огнар вышел вперёд, шаги его гулко отдавались в ночи.

— Кто сказал, что я делюсь?

Напряжение повисло в воздухе, тяжёлое, липкое. Племена смотрели друг на друга, словно два зеркала, готовые разбиться осколками.

Пустота внутри головы сжалась, будто на миг наполнилась током. В этой тишине шаги, дыхание, даже удары сердца звучали громче, чем слова. Казалось, сама ночь ждёт, кто сделает первый удар.

Алаф шагнул ближе, и в его движениях было что-то хищное, чуждое человеческому. Белые полосы на лице блеснули, будто отражая тусклый свет неба. В руке он держал длинный нож, блестящий, словно кусок льда.

— Город не принадлежит тебе, — сказал он, и в этих словах звучала не только угроза, но и жадность. — Делим его поровну, Огнар. Иначе кровь.

Огнар усмехнулся. В его улыбке не было радости — только презрение. Топор в его руках казался продолжением тела, таким же естественным, как дыхание.

— Делить? — прогремел он. — Я не делю добычу с падальщиками.

Гул прокатился по племени Алафа. Мужчины шагнули вперёд, женщины подняли луки. Напряжение стало почти осязаемым. Казалось, воздух сгустился, и каждое движение резало его ножом.

Племя Огнара не дрогнуло. Люди стояли за своим вождём, сжимая оружие. Но в глазах у многих блеснул страх — они знали, что встреча с Алафом не закончится словами.

Мик приблизился, встал рядом. Его рука едва заметно коснулась моей, словно проверяя — рядом ли я ещё, не растворилась ли в этой пугающей пустоте.

Слова рвались наружу, но горло было сжато. Вместо крика вырвался лишь шёпот, обращённый к самой себе: не вмешивайся.

Тайра тихо шагнула за спины, её голос прозвучал, как дыхание ветра:

— Пусть решат. Только их кровь способна удержать остальные руки. Если вмешаешься сейчас — всегда будешь вмешиваться.

Внутри поднялась волна протеста, желание одним взглядом заставить всех замолчать, склонить головы. Но вместе с этим пришёл страх: если сейчас подчинятся — останутся ли они людьми, или станут пустыми оболочками, как те, кого я ломала раньше?

Огнар сделал шаг вперёд. Его топор блеснул тусклым светом.

— Если хочешь крови, Алаф, получишь её.

Тишина разорвалась. Алаф бросился вперёд, нож сверкнул дугой. Огнар встретил удар топором, металл лязгнул о металл, искры осыпали землю.

Толпа замерла. Никто не вмешивался. Это был их бой — бой вождей.

Они кружили друг вокруг друга, удары были тяжёлыми, злобы в них было больше, чем расчёта. Огнар бил, как зверь, полагаясь на силу. Алаф — как охотник, быстрый, резкий, изворотливый. Каждый удар отзывался эхом в груди, словно весь мир бился вместе с ними.

Секунды тянулись, как вечность. С каждым движением земля под ногами дрожала, будто сама Москва слушала и ждала исхода.

Внутри всё сжалось. Казалось, любой миг — и кто-то рухнет, а вместе с ним рухнет и вся наша судьба.

Племена смотрели, затаив дыхание. Одни шептали имена своих вождей, другие молились. Дети жались к матерям, но никто не отводил глаз.

И вдруг под ногами пробежала дрожь. Лёгкая, сначала почти незаметная. Земля будто вздохнула.

Огнар и Алаф остановились на миг, взгляды их встретились.

И тогда раздался звук. Гулкий, тяжёлый, будто кто-то толкнул гигантскую створку.

Ворота Москвы, главные ворота как символ города, начали открываться сами. Хотя весь город и не был окружен стенами, и сейчас, после падения купола был полностью открыт, все шли именно к этому месту. Ворота вели сразу в центр города а не в его окрестности. Возможно ворота и часть этого города было построено до того, как на защиту стал купол.

Медленно, скрежетом, с осыпающейся пылью, огромные створки разъезжались в стороны. Из тьмы дохнуло холодом.

Бойцы обеих сторон опустили оружие. Даже Огнар и Алаф замерли, глядя на чёрный проём, будто в пасть зверя.

Внутри теплился тусклый, аварийный свет. Красные лампы мигали, как капли крови.

Пустота в голове отозвалась гулом, словно кто-то стукнул в невидимый барабан.

Москва открывала ворота сама. И ждала.

Ворота разъезжались с протяжным скрежетом, будто ржавый зверь зевал после векового сна. Красные лампы в глубине вспыхивали и гасли, мигая тревожным ритмом, похожим на биение сердца. Каждый толчок света отражался на лицах, делая их мёртвенно-бледными.

Никто не шевелился. Даже собаки стихли, лишь рычали низко, заглушая собственный страх.

Огнар сделал шаг вперёд, гулко стукнув каблуком по выжженной земле. Его голос прозвучал уверенно, словно он сам управлял этими створками:

— Москва открыла нам двери. Значит, она наша.

Алаф зарычал, но и он не решился идти первым. Его воины переглядывались, глаза блестели в полутьме, но ноги не двигались.

Сквозняк изнутри пах гарью, химией и чем-то прелым, будто гнилью, оставленной на солнце. Воздух тянул за собой холод, пробирая до костей.

Внутри мерцали тени — неясные, словно там что-то шевелилось.

Мик тихо наклонился к уху, и дыхание его было горячим, неровным:

— Ты чувствуешь?

Ответить не удалось. Внутри головы гул становился громче, теперь он походил на шёпот толпы, которой не существовало. Сотни голосов, наложенные друг на друга, без слов, без смысла, лишь шум, от которого хотелось зажать уши и закричать.

Тайра подняла посох и коснулась им земли.

— Город жив, — произнесла она. — Он сам открыл двери. Но кого он зовёт?

Вопрос повис между племенами, и никто не осмелился ответить.

Огнар развернулся к своим, его глаза блестели в полумраке.

— Москва ждала нас. И мы войдём. Сила теперь на нашей стороне.

— Ложь! — Алаф шагнул ближе, голос его прорезал воздух, как нож. — Город зовёт всех, не только тебя. Мы пойдём вместе.

Напряжение снова повисло между двумя вождями, готовое взорваться. Но в этот миг внутри ворот что-то зашевелилось.

Сначала показались отблески глаз — десятки, сотни. Потом шаги. Шаркающие, неуверенные, но настойчивые.

И из проёма вывалилась толпа.

Люди. Горожане.

Они выглядели, как тени самих себя. Лица бледные, будто высосанные, глаза безумные. Одежда — белые комбинезоны «чистых», местами порванные и испачканные. Они бежали, спотыкались, падали, поднимались снова. Некоторые держали детей на руках, другие просто тянули руки вперёд, как к спасению.

— Помогите! — раздался женский крик. — Умоляем!

Толпа хлынула прямо к нам.

Племя отшатнулось. Воины подняли оружие, кто-то замахнулся дубиной. Собаки взвыли.

Огнар поднял топор, голос его прозвучал сурово, безжалостно:

— Держать строй! Не подпускать!

Женщина упала на колени у его ног, протянула руки. Лицо её было залито слезами, губы тряслись.

— Прощу! Мы не знаем, что делать! У нас нет еды, нет воды! Все остановилось, ни чего не работает!

Огнар оттолкнул её сапогом, и она рухнула в пыль.

Внутри всё сжалось. Холод и пустота давили на грудь. Казалось, город вытолкнул этих людей наружу, как кровь из раны, и теперь они искали хоть какой-то спасительный остров.

Мик шагнул вперёд, подхватил мальчика, которого едва не затоптали. Тот судорожно вцепился в него, рыдая так громко, что заглушал все крики.

— Они же дети! — крикнул Мик. — Они такие же люди!

Алаф засмеялся, грубо, громко, так что в груди отозвалось эхом:

— Вот твои новые братья, Огнар! Смотри на них — они мясо!

Смех его слился с плачем толпы, и от этого смешения звуков в голове зашумело ещё сильнее. Казалось, сама Москва смеялась вместе с ним, глухо и страшно.

И тогда над городом снова мелькнула тень.

Серебристая, огромная, скользнула по небу, заслоняя редкие звёзды.

Гул прокатился, низкий, вибрирующий, будто невидимый колокол ударил прямо в сердце.

Толпа закричала громче. Люди падали на колени, закрывали головы руками. Кто-то шептал: «Боги боги пришли»

Небесные.

Серебристая тень зависла над городом, неподвижная и неестественная, словно гигантская рыба в чёрной воде неба. Гул в ушах стал таким сильным, что пальцы сами потянулись к вискам, но прикосновения не помогали — вибрация шла изнутри, из костей, из самой крови.

Толпа горожан завизжала и рассыпалась, словно стадо, в котором ударила молния. Люди бежали куда попало, падали, сталкивались, рвали друг друга руками. Кто-то пытался вцепиться в племя, кто-то просто падал на землю и начинал молиться, твердя одни и те же слова:

— Они пришли они пришли они пришли

Огнар зарычал, словно зверь. Его топор блеснул в воздухе, и он замахнулся, отталкивая одного из горожан, который вцепился ему в руку.

— Назад! — крик его прокатился, как удар грома. — Мы не няньки!

Алаф хохотнул, глядя, как «чистые» валяются к их ногам, как дохлые рыбы на берег.

Смех его был грубым, лишённым веселья. Скорее, это было торжество зверя, который видит падаль и знает — она достанется ему.

Мик держал мальчика на руках, тот цеплялся за него, цепкими, отчаянными пальцами, и плакал без остановки.

— Они такие же, как мы, — выкрикнул он. Голос его дрогнул, но был твёрдым. — Такие же люди!

— Люди? — Огнар повернулся к нему. Глаза его сверкнули. — Это паразиты! Они не умеют охотиться, не умеют сражаться. Они только жрут и плачут. Им нет места с нами.

— Им нет места нигде, — усмехнулся Алаф. — Пусть гниют в своём мёртвом раю.

Толпа металась меж двух племён, как вода, ища русло. Несколько женщин упали прямо к ногам Тайры, тянули к ней руки, глаза у них были пустые, безумные.

— Помоги! — кричали они. — Спаси!

Тайра посмотрела на них — и прошла мимо. Медленно, прямо, словно их крики не касались её.

Остановилась рядом со мной, её глаза блеснули странным светом.

— Слышишь? — спросила она. Голос её был едва слышен, но пробирал глубже, чем любой крик. — Это зовут тебя. Не их, не нас — тебя.

Хотелось отвернуться, хотелось закричать, что всё это ложь, что голосов нет, что пустота в голове — просто тишина. Но тело предательски дрогнуло. Внутри снова раздался тот же шёпот, который я слышала раньше: «Иди».

Толпа тем временем всё больше походила на стадо, загнанное в угол. Кто-то бросился назад к воротам, кто-то рухнул на землю и забился в конвульсиях. Красные лампы внутри проёма мигали, отражаясь в их глазах, делая их похожими на животных.

Огнар шагнул ближе к городу, его голос гремел, как барабанный бой:

— Город наш! Кто со мной — идём! Кто нет — останься здесь, подыхай вместе с этими тряпичными куклами!

Алаф двинулся следом, его люди подняли оружие.

— Нет! — проревел он. — Мы идём вместе! Город делится поровну, кровь — поровну, добыча — поровну!

Два голоса, два вождя. Две силы, готовые столкнуться прямо у ворот.

А пустота внутри головы гремела всё громче, как барабан, как сердце, которое не моё.

Тайра не сводила с меня взгляда.

— Это твой час, — прошептала она. — Ты связующее звено. Они ждут тебя.

Слова её впивались в виски, тянули, ломали дыхание. Хотелось закричать, что она ошибается. Но шаг сам сделал вперёд.

Ноги коснулись земли ближе к воротам, и в тот миг показалось — сам город смотрит. Красные лампы мигнули синхронно, словно приветствуя.

Красные лампы внутри ворот мигали всё ярче, ритм их пульсации совпадал с биением в висках. Казалось, город подстраивал дыхание под моё, или наоборот — сердце пыталось идти в такт его свету. Каждый новый миг ослаблял волю, отрезал привычное, оставляя только это нарастающее ощущение чужого дыхания, которое стало моим.

Толпа горожан металась у ног. Люди кричали, падали, хватались за руки, за одежду, за оружие. Одни ползли в ворота, другие тянулись к нам, к племенам. Их крики рвались на части, превращались в гул, и этот гул сливался с шёпотом внутри головы.

— Они ждут, — снова сказала Тайра. Её голос звучал так, будто выныривал из самого грохота города. — Но не их. Не нас. Тебя.

Хотелось закрыть уши, хотелось закричать, чтобы заглушить её слова. Но чем сильнее сопротивлялась, тем яснее становился зов. Он был повсюду: в огнях ворот, в дрожи земли, в тяжёлом воздухе, в толпе людей, которая ломала себе кости, чтобы оказаться ближе.

Огнар поднял топор.

— Дорога открыта! — его крик был громом, разрывающим ночь. — Москва принадлежит сильным!

И в этот момент город ответил.

Изнутри ворот раздался гул — низкий, раскатистый, похожий на голос, который пытается пробиться сквозь тысячи километров земли. Лампы вспыхнули так ярко, что красный свет залил лица, превратив их в маски.

Толпа горожан взвыла. Люди падали на колени, закрывали глаза руками, кто-то бился в истерику. Дети кричали так пронзительно, что уши сводило судорогой.

А я стояла и смотрела. Свет бил прямо в глаза, в виски, в грудь. Ноги дрожали, но не двигались.

И тогда из пустоты внутри раздался голос. Чёткий. Холодный. Без пола и возраста.

— Войди.

Одно слово. Но оно ударило так, что мир пошатнулся.

Казалось, ноги сами пошли вперёд. Сделан был шаг, и земля под ним отозвалась вибрацией, будто город узнал, что к нему идут.

— Лен! — Мик схватил за руку. Его глаза были полны паники. — Не слушай! Не ходи туда!

Губы хотели произнести «я не могу», но слова застряли. Вместо этого лишь стиснула его пальцы.

Огнар заметил движение, глаза его вспыхнули.

— Нет! — прорычал он. — Ты пойдёшь со мной, девчонка! Это мой путь!

Алаф тоже шагнул ближе, его лицо перекошилось.

— Кто она, что она себе позволяет? Это твоя ведьма, та о ком все говорят среди племён. Мы войдём вместе.

Голоса их сливались с гулом города. Толпа племён замерла, не понимая, кого слушать.

И тут Тайра ударила посохом в землю.

— Вы оба глупцы! — крикнула она так, что на миг даже гул стих. — Город не звал ни тебя, Огнар, ни тебя, Алаф. Он звал её. И только её!

Её рука указала прямо на меня.

Толпа повернула головы. Сотни глаз — мутные, злые, испуганные — устремились в мою сторону. Горожане, племена, дети, воины — все смотрели так, словно впервые увидели.

Внутри что-то оборвалось.

Гул усилился. Лампы замигали быстрее. Ворота разъехались до конца.

Москва.

Пустая. Чёрные окна смотрели пустыми глазницами. На земле лежали тела дронов, искрящие обломки, перевёрнутые машины. Дома стояли, как мёртвые великаны. И посреди всего этого — коридор света, красный, пульсирующий, ведущий прямо вперёд.

Город звал.

— Лен, стой! — Мик вцепился в руку сильнее. Его пальцы дрожали. — Не надо! Не иди туда! Это ловушка!

Сердце рвалось. Холод, жар, пустота и зов сливались в один поток.

Мир замер. Все стояли, глядя, что я сделаю.

И шаг был сделан.

Нога ступила на камень у ворот. Красный свет взорвался, окатил лицо, кожу, глаза. Пульс сорвался в бешеный ритм.

Город втянул.

Всё вокруг исчезло — крики, гул, шёпоты. Остался только свет.

Глава 13. Часть 2

Часть 2

Тишина висела над Москвой, словно огромный прозрачный купол всё ещё оставался на месте, хотя на самом деле его поле давно угасло. Даже ветер здесь звучал не так, как в лесу: он стонал между мёртвыми башнями, заглушался в зияющих провалах окон и возвращался эхом, будто сама столица отвечала на каждое движение чужаков. Казалось, город смотрит и ждёт — не глазами, а пустыми витринами, чернеющими провалами подъездов, мёртвыми фонарями, подёрнутыми инеем.

Племя двигалось колонной, растянувшейся вдоль бывшего проспекта. Дети держались ближе к женщинам, мужчины шли впереди, обнажив оружие — кривые клинки из обломков металла, дубины, самодельные копья с осколками керамики вместо наконечников. Каждый шаг отдавался гулким эхом, и это эхо заставляло оборачиваться, будто где-то совсем рядом крадутся чужие.

Время от времени кто-то из воинов останавливался и вслушивался. Капли воды падали из прогнивших труб, где ещё держались ледяные пробки. Откуда-то из глубины двора доносился глухой удар — словно дверью хлопнуло. Несколько женщин вздрогнули, прижали детей к себе. Один мальчишка заплакал, и Тайра молнией склонилась к нему, приложила ладонь ко лбу, прошептала несколько слов. Плач оборвался, будто кто-то сжал крошечное горло.

— Слишком шумно идём, — процедил Огнар, обернувшись. Его глаза сверкнули в полумраке, и все сразу замерли. — Город не пуст. Он слушает.

Никто не возразил. Люди только плотнее сжались, начав ступать мягче, почти крадучись, хотя асфальт и битое стекло не давали двигаться бесшумно.

В груди нарастал холод. Гул улицы был не просто ветром — он словно проникал под кожу, в кости. Каждое отражение в грязных витринах казалось живым: едва скользнувший силуэт, чужой взгляд из глубины пустой квартиры. Стоило моргнуть — и отражение исчезало, оставляя лишь собственное бледное лицо, вытянутое тревогой.

Мик шёл рядом, пальцы его то и дело сжимали рукоять ножа. Он шепнул едва слышно: — Если они на нас смотрят кто они?

Ответа не нашлось. Ветер снова завыл между домами, и этот вой напоминал больше плач, чем дыхание стихии.

Дальше по улице из тумана показались тёмные фигуры. Сначала все решили, что это дроны — слишком уж ровно шагали, один в один. Но приглядевшись, стало ясно: люди. Те, что раньше жили здесь, под куполом. Лица их были серыми, будто высохшими; глаза — стеклянными, пустыми. Они шли цепочкой, глядя в землю, и казалось, что не замечают пришельцев.

— Сонные, — прошипела Тайра. — Остатки города.

Толпа племени инстинктивно отпрянула к стенам. Один из людей племени поднял дубину, но Огнар резко рявкнул:

— Не трогать!

Фигуры прошли мимо, не оборачиваясь, не моргая. Дети уткнулись лицами в животы матерей. Казалось, эти странные «сонные» даже не дышат, просто идут, ведомые каким-то невидимым приказом.

Когда последний растворился в тумане, напряжение немного спало, но город словно отметил этот момент — окна на верхних этажах дрогнули, будто за ними кто-то двинулся. Ветер внезапно стих, и стало слышно, как под подошвами трещит битое стекло.

— Они слышат нас, — тихо сказал Мик. — Не люди. Что-то другое.

Вместо ответа Огнар поднял руку. От колонны отделилось несколько разведчиков, растворяясь в боковых переулках. Их шаги быстро стихли. Остальные ждали, боясь даже выдохнуть громко.

Шорох донёлся сверху. Сначала показалось, что это крыша осыпалась. Но нет: из темноты вывалилось что-то, похоже на птицу, только слишком крупную и слишком бесшумную. Существо пролетело прямо над головами, задевая воздух крыльями, похожими на перепончатые паруса. Женщины вскрикнули, дети вцепились в матерей.

— Воронья тварь, — прорычал кто-то.

Но тварь не нападала. Она сделала круг, словно высматривала добычу, и исчезла за домами, оставив за собой липкий запах гари.

Дальше двигались уже плотнее, почти прижавшись друг к другу. Город как будто жил — он то открывал пустые коридоры, то преграждал путь обвалами. В одном месте дорогу перегородила трещина, уходящая в тёмную глубину. Камни осыпались, провал будто дышал. Пришлось искать обход, пробираясь сквозь обугленные арки магазинов, где ещё висели голограммы: «Всё для счастья», «Спи спокойно», «Чистота — путь к гармонии». От этих слов мороз пошёл по коже сильнее, чем от темноты.

Внутри всё сжималось, будто сердце города билось рядом, под ногами. В какой-то момент показалось, что асфальт пульсирует — еле заметно, но осязаемо. Никто не сказал ни слова, но все это почувствовали.

— Дальше нельзя, — хрипло выдохнула Тайра. — Здесь он ближе всего.

— Мы идём, — отрезал Огнар, даже не оборачиваясь.

Он шагнул вперёд, и племя послушно двинулось за ним. Никто не посмел спорить, хотя каждый шаг отдавался холодком в позвоночнике.

Мик наклонился ближе, его дыхание коснулось уха:

— Елена если город заговорит с тобой не слушай.

Хотелось ответить, что уже поздно. Гул в голове нарастал, становился отчётливым, превращался в слова. Шёпот расплзался, будто невидимые пальцы касались висков: «Ты вернулась мы ждали»

Лицо Тайры вытянулось, когда она уловила, что что-то меняется. Она склонила голову и тихо сказала:

— Голоса?

Кивок был едва заметным.

— Держись, дитя. Они будут звать.

Слова старой знахарки прозвучали слишком ясно для чужого шума. Но следом снова раздался зов, и на этот раз он шёл не изнутри, а откуда-то сверху, из тумана. Голос был низким, металлическим, он перекрывал стук сердец.

Толпа остановилась. Вдалеке загрохотали тяжёлые шаги.

Из темноты выкатилось нечто. Огромная туша, с изломанными конечностями, подсвеченная изнутри холодным свечением. Остатки патрульного дрона, сбитого импульсом, но ожившего вновь. Его глаз-монитор мигал, как сердце.

Воины отпрянули. Даже Алаф на мгновение сжал губы.

Дрон издал визгливый звук и рванулся вперёд, не разбирая, кто друг, кто враг.

Дрон рванул прямо в середину улицы, разбрасывая людей, как куклы. Его тело было перекошено, словно его выковырнули из могилы и собрали заново из кусков металла и мёртвой плоти. На плечах торчали обломки антенн, из которых сыпались искры. На месте одной ноги — перекрученная труба, каждый шаг отдавался звонким ударом по асфальту.

Первый, кто не успел отскочить, оказался воин племени. Машина схватила его за шею манипулятором, и хруст раздался так громко, что по спинам у всех побежали мурашки. Тело упало, а дрон даже не задержался — шагнул дальше, свернув голову к следующей цели.

Крики смешались со звоном железа. Все побежали врассыпную. Но улица не давала уйти — стены домов казались ближе, чем были раньше, как будто город сам подталкивал всех обратно в мясорубку.

Мик дернул за руку, заставив пригнуться. Над головами просвистел кусок арматуры, выбитый ударом дрона. В глазах мелькнула яркая вспышка — и воздух наполнился гарью, от которой сводило горло.

— Назад! — рявкнул Огнар, размахивая копьём. — В сторону!

Но уйти было некуда. Дрон двигался слишком быстро для своей громоздкой туши. Он не просто атаковал — его толкала какая-то невидимая ярость.

Тайра подняла руки, будто могла остановить эту махину заклинанием. На губах её шевелились слова, но заглушить грохот было невозможно.

Внутри всё дрожало, как струна. Словно тысячи пальцев терзали сознание, вбивая один и тот же приказ: «Возьми его возьми его останови» Голос города звучал уже не шёпотом, а почти криком.

Стиснув зубы, пришлось поднять взгляд. Дрон на мгновение застыл, его глаз-монитор моргнул, и в этом моргании мелькнула человеческая тень. Чужое лицо — женское, бледное, с пустыми глазами. На секунду показалось, что это Ольга, мать.

Грудь пронзила боль. Сердце ударило так сильно, что воздух вырвался со стоном.

— Стой! — слова сорвались сами собой.

И дрон действительно замер. Его искалеченные конечности дрожали, изнутри шёл треск, будто в груди его ломались кости. Гул стих, люди вокруг отшатнулись.

Огнар застыл с поднятым копьём.

Машина качнулась, словно боролась сама с собой.

Вдруг сверху донёлся новый звук — звонкий, металлический, будто колокол ударил прямо в воздух. Эхо прокатилось по пустым улицам, заставило стены дрожать.

Дрон взревел. Его глаз вспыхнул алым, и он бросился вперёд, прямо на толпу.

Всё смешалось. Крики, удары, визг металла. Кто-то упал, кто-то вонзил клинок в бок машины, но металл был прочен, как скала.

Мик схватил за плечи и толкнул к стене. Прямо там, где секунду назад пронёсся удар трубы. Асфальт взорвался искрами.

— Держись рядом! — закричал он, перекрывая грохот.

Город будто подыгрывал дрону. Эхо искажало звуки, делая шаги ближе, чем они есть. Казалось, что вокруг десятки этих машин, хотя на самом деле только одна.

Вздвогнув, пришлось сосредоточиться. Внутри снова поднялся шёпот, на этот раз громче, чем когда-либо: «Не отпускай держи сделай его своим».

И в какой-то миг удалось ухватить эту силу. Поток ударил в голову, словно молния. Перед глазами замелькали чужие образы — улицы Москвы, заполненные сонными людьми, лица без выражения, белые коридоры подземных архивов.

Дрон остановился. Его глаз погас. Он стоял в шаге от Мика, манипулятор уже почти коснулся его лица. Ещё секунда — и всё закончилось бы. Но сталь замерла, словно окаменела.

— Убирайтесь — слова срывались хрипом, губы едва двигались, но машина послушалась.

Она развернулась, шаркая по асфальту, и медленно поплелась прочь, оставляя за собой след из искр и капель чёрной жидкости.

Тишина вернулась слишком быстро. Никто не двигался.

Сердце билось так сильно, что казалось — его слышат все.

Город вокруг молчал, но внутри звучал новый голос. Тише, чем прежде, но отчётливее: «Это только начало».

Туман закрыл улицу, словно тёр грязной ладонью то, что только что произошло. След дрона ещё дымились, но уже казался нереальным, будто всё было лишь кошмаром, оставшимся в памяти. Люди медленно расходились по сторонам, переставали дышать так громко, но напряжение держало всех, как натянутая струна, готовая лопнуть.

Огнар первым разорвал молчание. Его голос был низким, сиплым, в нём чувствовалась злость, но не на врага, а на самого себя.

— Слишком шумно. Слишком дерзко. Город не любит чужаков. Мы рано понадеялись что он уже мертв.

Он бросил взгляд на женщин, что прижимали детей, и на воинов, утирающих кровь с лезвий. Никто не возразил.

Тайра подошла ближе. Её пальцы коснулись плеча, словно хотела удержать от падения в пропасть.

— Ты слышала? — прошептала она. — Он говорит с тобой?

Кивок выдал всё. Отпираться не имело смысла.

Мик смотрел слишком пристально, глаза его искали ответ, которого он боялся услышать.

— Не слушай, — сказал он тихо, так, чтобы только один человек мог услышать. — Город хочет нас разделить.

Но разделение уже чувствовалось. Люди шептались, косились исподлобья. Одни смотрели с надеждой, как на спасительницу, другие — с ужасом, будто в любой момент может превратиться в чудовище.

Ветер пронёсся по улице, поднял пыль и обрывки бумаги. Они закружились, будто белые тени, и на секунду сложились в очертания лица. Женское, знакомое до боли. Ольга. Мать.

Вздвогнув, пришлось моргнуть, и образ рассыпался. Но сердце уже горело огнём.

— Она здесь, — слова сорвались сами собой.

Тайра напряглась.

— Кто?

— Моя мать.

Старуха помолчала, её морщинистые губы шевельнулись, но вместо слов вырвался только выдох, похожий на шипение.

— Москва показывает тебе не её, — наконец сказала она. — Она берёт твои воспоминания и играет ими.

Но внутренний голос не соглашался. Там, в глубине, шёл другой шёпот. «Мы рядом. Мы всегда рядом».

Люди начали переговариваться, кто-то предложил возвращаться в лагерь, пока город не сожрал их окончательно. Но Огнар ударил копьём в землю, и гул отозвался в костях каждого.

— Назад дороги нет, — прорычал он. — Москва открыта. Она наша добыча.

Его слова не утихомирили племя, лишь добавили трещин в и без того хрупкую веру.

Мик шагнул ближе, его голос стал жёстче, чем обычно:

— Мы не добычу ищем, а спасение. Ты гонишь людей на смерть, Огнар.

Вожак повернулся, и на миг показалось, что копьё поднимется. Но Тайра встала между ними, её взгляд был суровее любого оружия.

— Спорите потом, — сказала она. — Сначала переживите ночь.

Ночь уже сгушалась. Серое небо потемнело, туман стал гуще, свет исчезал, будто город поглощал его.

Когда племя устроилось в полуразрушенном торговом зале, где ещё торчали облупленные витрины с манекенами без глаз, стало ясно: Город и правда жив. Манекены стояли в полу-

мраке, и у некоторых губы будто дрогнули, когда люди проходили мимо. Дети прижимались к матерям, взрослые старались не смотреть на пустые лица.

Костёр не разжигали. Огонь был бы как крик в темноте. Вместо этого сидели в тишине, каждый со своими мыслями.

Шёпот вернулся ночью. Он не давал уснуть. Сначала тихий, едва уловимый, потом всё громче, пока не стал разбираться на слова.

«Ты не одна мы рядом впусти нас»

Открыв глаза, пришлось увидеть, что в темноте сияют окна напротив. В каждом окне — силуэт. Десятки фигур, неподвижных, молчаливых. Они стояли, смотрели вниз, прямо на лагерь.

— Мик, — прошептал кто-то рядом.

Он проснулся мгновенно, рука легла на нож.

— Что это?

— Смотри.

Глаза его расширились.

— Это не люди

Силуэты не двигались. Но чем дольше на них смотрели, тем яснее становилось: они ближе, чем кажутся.

Сердце города билось в такт с дыханием.

Вдруг один силуэт поднял руку. Остальные повторили. Сотни рук поднялись одновременно.

Племя замерло. Даже Огнар не нашёл слов.

Голос в голове стал ясным, как команда: «Подними руку».

Пальцы сами дернулись.

Рука застыла на полпути. Пальцы дрожали, будто их тянули невидимые нити. Силуэты в окнах не двигались, но ощущение, что они улыбаются, пронзило холодом, от которого зубы сами стиснулись.

— Не делай этого, — шёпот Мика прозвучал прямо у уха, и голос его был реальнее, чем все остальные. — Не поднимай руку.

Но было слишком поздно. Мышцы не слушались. Казалось, собственное тело стало марионеткой. Невидимая тяжесть давила на плечи, вытягивала руку выше. Сотни рук в окнах тянулись синхронно, как отражение в кривом зеркале.

Тайра вскочила, её силуэт выделился на фоне серого мрака. Она протянула ладонь и что-то прошептала, старые слова, слишком древние, чтобы помнить их смысл. Тьма вздрогнула, и на миг хватка ослабла. Рука повисла, пальцы вцепились в колено, будто пытались удержать собственное тело.

Но город не отпускал.

Окна загорелись. Не светом ламп, а внутренним сиянием, холодным, белым, как мёртвое пламя. В каждом окне лица стали яснее. Не люди. Маски. Пустые глазницы, растянутые губы, беззвучные крики. Сотни масок смотрели вниз.

Дети завyli, закрывая лица. Женщины бросились их укрывать, но куда спрячешься от города, если стены сами стали живыми?

— Они зовут, — прошептал один из воинов, и голос его сорвался на визг. — Они зовут её!

Огнар рявкнул:

— Заткнись!

Но страх уже пропитал племя, как дым костёр. Люди отодвигались друг от друга, каждый хотел быть дальше от соседей, будто рядом с другим опаснее.

Мик держал за руку, крепко, словно боялся, что исчезнет.

— Смотри на меня, — сказал он. — Только на меня.

Глаза его горели страхом и решимостью, но за его плечом мир расплзался. Витрины дрожали, манекены в них шевелили пальцами. Один склонил голову, другой шагнул вперёд, и стекло треснуло.

Шёпот в голове стал криком: «Встань иди впусти нас».

Ноги подкосились, и холодная плитка встретилась с лбом. Всё завертелось. Голоса множились, превращались в хор. Тысячи голосов, мужских и женских, старых и детских. Они несли один и тот же звук, слово, которое не удавалось понять, но оно било в виски, как молот.

Вдруг всё стихло.

Открыв глаза, пришлось увидеть: помещение пусто. Никого рядом. Ни Мика, ни Тайры, ни Огнара. Только туман и светящиеся окна. Силуэты в них наклонились вперёд, будто смотрели внимательнее.

В груди поднимался вой. Не собственный — чужой.

Сквозь эту тишину прорезался хрип:

— Елена!

Обернувшись, удалось увидеть Мика. Он стоял далеко, словно через толщу воды. Руки его тянулись, лицо искажалось от ужаса.

— Не иди к ним! — крик его был рваным, но живым.

И в тот миг стало ясно: город создаёт иллюзии. Он отделил меня от остальных, запер в своей тьме.

Пальцы нашли браслет на запястье. Металл охлаждал кожу. Когда-то мать надела его, и память вспыхнула — её дыхание, её голос: «Живи, что бы ни случилось».

Силуэты в окнах зашевелились. Их головы начали склоняться в унисон, ритмично, будто колыхались в такт какому-то невидимому пульсу.

И тут раздался новый звук. Треск сверху. Из потолка торгового зала посыпалась пыль, плитка закричала.

Огромный треск пронёсся через стены, как раскат грома. Окна погасли. Силуэты исчезли.

И сразу же вернулись голоса людей. Мик тряс за плечи, его глаза были близко, совсем рядом.

— Слышишь? Ты здесь! — он почти кричал.

Тайра сидела неподалёку, губы её были белыми, взгляд — пустым. Она шептала что-то, но слов не разобрать.

Огнар стоял, опираясь на копьё. Его лицо было бледным, как у мертвеца, но глаза горели.

— Город играет с нами, — сказал он. — Но мы ещё здесь.

В груди всё ещё билась чужая сила, но реальность возвращалась. Стены снова стали мёртвыми, окна пустыми, манекены неподвижными. Только браслет на руке был горячим, словно горел.

И в глубине сознания остался шёпот, еле слышный, но ясный: «Мы войдём. Через тебя».

Ночь в Москве была иной, чем ночь в лесу. Там темнота хотя бы принадлежала земле и зверям, здесь же она дышала стенами, отражалась от стекла, заполняла пустые улицы липким туманом. Казалось, город никогда не спал — просто ждал, пока люди устанут сопротивляться.

Люди расселись у стен торгового зала, где нашли временное убежище. Дети уснули рывками, вздрагивая от каждого шороха. Женщины сидели, прижимая их к себе, глаза широко раскрыты, будто они боялись закрыть веки и увидеть снова эти светящиеся окна. Мужчины переговаривались коротко, глухо, не поднимая голосов.

Огнар стоял у входа, будто каменная статуя. Его тень вытягивалась до потолка, превращая его в чудовище. В руке копьё, но держал он его так, будто готов был вонзить не только в врага, но и в любого, кто пошевелится.

Мик не отходил ни на шаг, хотя глаза его были красными от усталости. Он сидел рядом, локоть касался плеча, и это тепло было единственным, что связывало с реальностью.

Тайра сидела напротив. Её лицо было в тени, но по дрожи губ было ясно: она молилась. Слова её тонули в гуле города, но казалось, что и сама Москва прислушивается, отвечая скрипом стен и далёкими ударами в глубине земли.

В какой-то момент тишина стала невыносимой. Слишком тяжёлой, слишком густой. Каждый вдох звучал как крик. Казалось, стены давят ближе, ближе, и вот-вот сомкнутся, сожмут, вытолкнут в темноту.

Вдруг вдалеке послышался шорох. Сначала — едва заметный, будто крысы бегут по мусору. Но крысы не могут двигаться так размеренно. Ритм был человеческим.

— Они снова идут, — прошептал один из воинов.

Все замерли. Взгляды обратились к входу. Туман за дверью клубился, словно скрывал в себе тени.

Сердце забилося чаще.

И тут показался силуэт. Высокий, худой, шаги его были бесшумны. За ним второй, третий. Они входили внутрь, не замечая преграды. Лица их были бледны, глаза пусты. Сонные.

Они двигались, как во сне, не оборачиваясь, не глядя на племя. Прошли мимо, словно никто их не видел. Дети тихо заскулили, женщины закрыли им глаза.

Когда последний исчез в тумане, зал снова наполнился гулкой тишиной.

— Это не люди, — сказал Мик. — Это оболочки.

— Это память города, — ответила Тайра. — Он хранит их и играет ими, как хочет.

Но в глубине груди звучал иной голос. Тихий, но упорный: «Они живы. Они ждут. Они зовут».

Сон так и не пришёл. Каждая минута растягивалась, как вечность. Голоса то стихали, то возвращались. Иногда казалось, что тени двигаются в углах, но обернувшись, видел только стены.

Ближе к рассвету воздух изменился. Он стал плотнее, суше, пах железом. Появился низкий гул, от которого затрещали зубы. Люди подняли головы. Даже дети, будто почувствовав, замерли, перестав плакать.

Гул нарастал. Земля задрожала.

— Что это? — выдохнул кто-то.

И тогда стены торгового зала озарил свет. Холодный, серебряный, падающий сверху. Он проник сквозь бетон и стекло, оставляя тени слишком резкими, слишком длинными.

Все выбежали наружу.

Над городом висела тьма. Но посреди этой тьмы разгоралось сияние. Не солнце, не звезда. Огромный силуэт корабля проступал в небе, будто его вытянули из самого космоса. Серебристые линии, холодные, нечеловеческие, медленно расползались по облакам.

— Небесные — сорвалось с губ Тайры.

Корабль висел неподвижно, и от него тянулся луч. Не к земле — в сердце Москвы. Прямо туда, где билось невидимое сердце города.

Гул стал громче. Воздух давил, уши заложило.

И тогда в голове прозвучало слово. Одно-единственное, но ясное, громкое, будто произнесённое внутри черепа:

«Приди».

Глава 13. Часть 3

Часть 3

Луч серебра резал небо, прорезая туман, и весь город застыл в этом свете. Башни, улицы, обломки — всё выглядело, как в мёртвой витрине. Даже дыхание людей стало слышно, слишком громкое, будто каждый вдох был предательством.

Племя сжалось у входа в торговый зал. Кто-то упал на колени, кто-то закрыл лицо ладонями. Женщины шептали молитвы, хотя давно забыли слова. Мужчины держали оружие, но пальцы их дрожали. Никто не знал, куда смотреть — вверх или друг на друга.

— Это знак, — выдохнул один из стариков. — Они вернулись.

— Это конец, — ответил ему другой, и в голосе не было ни надежды, ни страха. Только пустота.

Огнар стоял прямо, но глаза его блеснули, словно он боролся с собой. Копьё в руке не было оружием — только опорой, чтобы не упасть.

— Никто не двинется, — прорычал он. — Никто.

Но приказ звучал слабее, чем обычно. Его слова не отрезали страх, а только делали его плотнее.

Мик подошёл ближе, губы его дрожали, но голос был твёрдым:

— Елена, ты слышишь?

Слова ударили в виски, потому что зов был уже внутри. Не просто слово — «Приди». Оно растягивалось, повторялось эхом, сотни голосов шептали его одновременно. Казалось, мозг дрожит, как струна, и любая секунда ещё — и она порвётся.

— Слышишь? — повторил он, вцепившись в руку.

Глаза его были близко, в них отражался серебряный свет. В них была жизнь, настоящая, не как в этих пустых окнах города.

Но тело уже знало ответ. Каждый нерв был натянут к небу. Корабль тянул, как магнит.

Тайра подошла, и её ладонь легла на плечо.

— Он зовёт тебя, — сказала она, и голос её был не испуганным, а усталым, будто она знала это давно. — Но помни: не каждый зов стоит слушать.

Серебро стало ярче. Земля застонала, здания скрипнули. Туман клубился, превращаясь в стены света.

Огнар выпрямился, и злость вернулась в его голос:

— Никто не заберёт моих людей!

Он бросил копьё в воздух, в сторону луча. Копьё взвилось и исчезло, растворившись в сиянии. Не упало.

Толпа ахнула. Несколько воинов вскрикнули, будто их сердце ушло вместе с оружием.

И тут с небес раздался звук. Не гром, не металл. Голос. Низкий, протяжный, похожий на хор. Он заполнил улицы, проник в стены.

Мик упал на колени, зажав уши. Дети закричали, женщины прижимали их к себе. Тайра смотрела прямо вверх, губы её дрожали, но она не опускала глаз.

Голос звучал внутри костей.

«Ты — дверь».

Слова были яснее, чем все прежние.

Воздух стал тяжёлым, дышать стало невозможно. Лёгкие горели. Руки дрожали.

— Елена! — крик Мика прорвал туман. — Держись!

Он тянул к себе, но тело уже шагнуло вперёд. Ноги сами сделали шаг, потом второй. Сила в груди толкала вверх, в свет.

Толпа расступалась. Кто-то шептал: «Она их дитя». Другие рычали: «Она предаст нас». Огнар схватил за руку, его пальцы были, как железо.

— Стоять! — рявкнул он. — Ты моя!

Но в глазах его был страх. Он боялся не меня — боялся того, что корабль выбрал.

Тело дёрнулось. Луч коснулся кожи. Холод, как ледяное лезвие, прошёл по венам. Сердце замерло, потом ударило так сильно, что свет ослепил.

В тот миг город ожил. Здания дрогнули, окна засияли, силуэты снова появились. Но теперь они не были пустыми. Они двигались, шагали, поднимали руки.

Хор в голове стал громче: «Приди. Приди. Приди».

Мик обнял за плечи, его голос сорвался:

— Остайся со мной!

И тут тьма прорвалась. Не с неба, а из самой земли. Чёрная трещина прошла по асфальту, как шрам. Из неё поднялся холодный дым, и в дыме мелькнули лица. Те же маски, что в окнах. Они тянулись, открывали рты, беззвучно кричали.

Тайра крикнула:

— Это не зов! Это ловушка!

Но слова её тонули в хоре.

Свет сверху, тьма снизу, голоса в голове, руки Мика, хватка Огнара. Сердце раскалывалось, словно его тянули в разные стороны.

И тогда снова загорелся браслет. Горячий, яркий, он светился на руке, будто собственное солнце.

Голос матери пронёсся сквозь шум, тихий, но сильный: «Живи».

Свет корабля дрогнул.

Свет дрогнул, как будто корабль, висящий в небе, заметил сопротивление. Серебряные линии на его корпусе засияли ярче, и луч ударил вниз с новой силой. Земля застонала, воздух завибрировал, волосы встали дыбом.

Казалось, сама реальность раскалывается. Сверху — холодное сияние, снизу — чёрный дым из трещин, тянущийся к людям. Две силы сцепились над головами, и каждый человек чувствовал это в костях.

Женщины кричали, закрывая детей, но дети вырывались, тянули руки к свету, словно его звал кто-то, кого они знали. Мужчины пытались держать строй, но оружие дрожало в руках. Несколько воинов упали на колени, ударяясь лбами о камни, молясь тому, чего не понимали.

Огнар рычал, пытаясь перекричать вой города:

— Держитесь! Это их хитрость!

Но голос его тонул в реве, и даже он сам понимал: слова пусты.

Мик прижимал к себе, руки его были крепкими, но дрожали.

— Не смотри! — крикнул он. — Не слушай!

А как не слушать, если голоса заполняли всё? Они неслись из окон, из земли, из самого воздуха. Хор становился громче, и вдруг слова сложились:

«Мы в тебе. Мы всегда были в тебе».

В глазах потемнело. В груди вспыхнуло тепло, и оно не принадлежало ни свету, ни тьме.

И тогда возникло видение.

Глаза закрылись сами собой, и перед ними возникла улица — та же, по которой шли днём. Но теперь она была полна людей. Живых, обычных горожан. Они шли, улыбались, разговаривали. Витрины сияли, фонтаны били, дроны летали в небе. Город — в своём прежнем виде.

И среди них шла Ольга. Живая, молодая, глаза её светились радостью. Она несла ребёнка на руках.

— Дочь, — сказала она. — Ты вернулась.

Всё тело отозвалось болью. Захотелось броситься к ней, обнять, забыть про всё.

Но в толпе показался Артём. Его глаза были пусты, улыбка — фальшивая. Он шагнул ближе, и голос его стал металлическим:

— Мы всегда были с тобой.

Лица людей вокруг изменились. Улыбки растянулись, глаза потемнели. Толпа остановилась и уставилась прямо. Все они произнесли одно слово, в унисон, холодным эхом:

«Приди».

Видение рассыпалось. Открылись глаза, и снова — ночь Москвы, серебро сверху, дым снизу.

Тело дрожало, дыхание сбивалось. Мик тряс за плечи.

— Ты с нами? Скажи, что ты с нами!

Хотелось ответить, но голос не выходил. Вместо слов из горла вырвался чужой хрип, и все вокруг обернулись.

— Она не своя, — сказал кто-то из воинов. — Она уже их.

Огнар поднял копьё. Взгляд его был полон ненависти и страха.

— Если она их дверь, — прорычал он, — значит, её надо закрыть!

Мик закрыл собой.

— Попробуешь — и я сам тебя убью!

Слова повисли в воздухе, как удар молнии. Воины замерли, не зная, за кем встать. Половина смотрела на Елену с надеждой, половина — с ужасом.

Тайра поднялась. Её голос был слабым, но каждое слово звучало ясно:

— Она не дверь. Она ключ. Но ключ открывает не только одну дверь.

Серебряный свет дрогнул, как будто прислушался.

И в этот миг трещины в земле разверзлись шире. Из них поднялись фигуры. Те же силуэты, что видели в окнах. Маски, тени, пустые оболочки. Они шли, вытягивая руки, окружая племя.

Крик детей пронзил ночь.

— В круг! — рявкнул Огнар. — В круг!

Люди сбились, выставили оружие. Но оружие казалось игрушкой против этих лиц без глаз.

Маски тянулись, касались воздуха, и там, где проходили их пальцы, металл ржавел, дерево чернело.

Город начал пожирать живое.

В голове раздался новый голос. Тише, чем остальные, но отчётливее.

«Ты можешь остановить их. Только ты».

Круг сомкнулся, но слишком поздно. Маски уже шагали сквозь дым, и каждый их шаг отзывался в сердце гулом, будто город бил в огромный барабан, заставляя кровь в жилах течь быстрее.

Мужчины выставили копья, но древесина трещала, железо гнулось, словно под давлением невидимых рук. Один из воинов закричал, когда маска коснулась его щита: кожа на его лице тут же почернела, пошли язвы. Он упал, корчась, и крик его заглушил даже хор голосов.

— Назад! — рявкнул Огнар, но отступить было некуда.

Мик встал рядом, его глаза метались между лицом и приближающимися тенями.

— Елена, сделай что-нибудь! — голос сорвался, стал отчаянным.

Гул усиливался. В висках стучало так, что казалось — сейчас кровь пойдёт из ушей. Слова сами сорвались с губ:

— Стойте!

Маски замерли. На секунду. Их пустые глаза уставились прямо. Воздух застыл, ни ветер, ни дыхание не нарушали тишину.

В груди поднялась волна силы. Она была холодной и горячей одновременно, как лезвие, только что вынутое из огня.

Стиснув зубы, пришлось сосредоточиться. Внутри головы звучал шёпот: «Возьми их они твои»

Пальцы вытянулись, и мир качнулся. Маски дернулись, словно их поймали невидимые нити. Они застыли в полусаге, вытянув руки, но уже не двигаясь.

Огнар смотрел с ненавистью. Его лицо было искажено, кулаки сжимались так сильно, что костяшки побелели.

— Ведьма, — процедил он. — Ты связана с ними.

Но слова его тонули в шёпote города. Голоса вокруг становились громче, сливались в хор.

«Хорошо держи их держи нас»

Внутри стало пусто, как будто вся сила ушла наружу. Руки дрожали, ноги не держали. Маски стояли, застывшие, но тянулись взглядом, и казалось, что это не они в плену, а сама Елена.

Мик схватил за плечи, его голос был близко:

— Останови! Отпусти их!

Но остановить было невозможно. Сила впивалась в кости, в нервы, в мозг. Казалось, если отпустить, сердце остановится.

И тогда вновь удар, удар не физический а ведением.

Мгновение — и всё исчезло. Круг, племя, маски, ночь. Всё рассыпалось, как пыль.

Вместо этого — поле. Зелёное, залитое солнцем. Люди смеялись, дети бегали, дроны разносили еду. Без стен, без тумана, без боли.

И среди них снова мать. Она протянула руки:

— Отпусти их, дочь. Приходи ко мне.

Голос её был таким настоящим, что сердце сжалось.

Но за её спиной виднелся корабль. Огромный, серебристый, его луч касался земли. И люди вокруг, улыбающиеся, вмиг стали неподвижны. Маски вместо лиц.

Голос матери изменился. Стал металлическим.

— Мы — твоя семья.

Тело содрогнулось. Видение рухнуло, как стекло, разбитое камнем. Снова ночь, снова маски.

Но они уже шевелились. Нити рвались. Сила уходила, как вода сквозь пальцы.

Крик разорвал горло:

— Назад!

И маски отшатнулись. На секунду. Потом снова пошли вперёд.

Пустые лица дрогнули, и нити, удерживавшие их, начали лопаться одна за другой, будто струны, перетянутые до предела. Каждый хруст отдавался в висках. Толпа за моей спиной отшатнулась, голоса слились в гул — не молитвы и не проклятья, а первобытный крик, когда зверь вырывается из западни.

Маски двинулись разом. Никакого звука — только шаги, ритмичные, как удары сердца. Земля под ногами вибрировала.

Огнар рванулся вперёд, сжав топор. Удар был силён, но лезвие прошло сквозь тело маски, как сквозь дым. Он дернулся, выругался, а фигура, не замедлившись, двинулась дальше.

— Это не плоть! — заорал он, но голос потонул в хаосе.

Первые ряды племени рухнули. Кто-то от страха, кто-то под напором невидимой силы. Дети закричали, женщины тянули их за руки, но круг ломался.

Туман сгустился. Только холодные силуэты, приближающиеся всё ближе.

Сила внутри рвалась наружу. Она билась, требуя выхода, но не подчинялась. Шёпот в голове сменился хором, сотни голосов произносили разные слова, но смысл был один:

«Останься. Ты наша».

Губы дрожали, дыхание рвалось, руки не слушались. В глазах племени отражался ужас. Кто-то кричал «ведьма», кто-то молился, кто-то тянул ко мне руки, как к последней надежде.

Мик держал меня за локоть, пальцы его сжимали слишком сильно, почти больно, но это держало в реальности.

— Не слушай их! — кричал он. — Это не ты, Елена, слышишь? Это они!

Но голоса проникали глубже. Они звучали в сердце, в костях, даже в дыхании. Казалось, сам воздух превращается в слова.

Шаги масок приблизились вплотную. Один силуэт навис, его пустое лицо склонялось над племенем. И вдруг в глубине глазниц мелькнул огонёк — красный, как искра угасающего костра.

Тело само вырвалось вперёд. Слова, которых не знала, сорвались с губ, как будто чужой язык говорил моим ртом. Маска замерла. Искра в глазах вспыхнула ярче.

Вокруг послышался треск. Патрульные дроны, до этого недвижимые у кромки тумана, зашевелились, словно отдана команда. Но команда шла не из города. Она шла отсюда, из центра круга.

Толпа за моей спиной стихла. Все смотрели, не дыша. Даже Огнар, с оскаленным лицом, не сделал ни шага.

Маска подняла руку и остановилась. Остальные замерли вслед за ней. На миг показалось, что это конец, что я сумела. Но в тот же миг голоса стали громче, слились в единый крик:

«Открой!»

Мир качнулся. Земля ушла из-под ног. Туман стал вязким, как вода. Показалось, что весь круг, всё племя, люди, оружие — всё падает вниз, в бездонную черноту, и только маски стоят прочно, глядя сверху.

Крик вырвался сам, но голос уже не принадлежал полностью мне. Он звучал чужим, гулким, словно говорил сразу через тысячу ртов:

— Нет.

Тьма дрогнула. Маски отшатнулись. Туман рассёкся, и на миг стало видно поле вокруг. Но вместе с этим видением показалась новая тень — выше, чем все остальные.

Она приближалась так медленно, будто сама вязкость воздуха держала её шаги. С каждой секундой фигура росла, хотя уже была выше любой башни, выше самой стены купола, и всё же казалось, что рост её не прекращается. В белом мареве очертания колыхались, как в воде, но очертания были несомненно человеческими: голова, плечи, руки — и всё же что-то в пропорциях ломало привычное зрение.

Толпа молчала. Даже детский плач стих. Вся жизнь, все крики и страхи сузились до одного взгляда — на эту гигантскую фигуру, в чьём лице зияла пустота.

Огнар поднял топор, но рука его дрожала. Никогда прежде не виделось, чтобы он сомневался. Но сейчас даже он выглядел крошкой перед этой тенью.

Тайра шептала молитвы, губы её двигались, но голос не выходил наружу. Казалось, даже слова боялись быть произнесёнными рядом с этим существом.

Мик не отпускал мою руку. Его пальцы уже онемели, но хватка была железной.

Гигантская маска наклонилась, и её пустое лицо нависло прямо над кругом. Внутри глазниц что-то зашевелилось, будто миллионы насекомых толпились в темноте, ожидая выхода. Шорох, похожий на шелест крыльев, прокатился по воздуху.

Голоса в голове стали гулом, таким громким, что уши заложило, будто мы погрузились под воду. Слова уже не складывались в фразы — это был единый поток звука, мощный, невыносимый.

В висках стучало, ноги подкашивались, дыхание сбилось. Земля под ногами пошла трещинами, хотя камни и песок оставались неподвижными. Это трещало сознание.

Огнар с рёвом бросился вперёд. Его топор прошёл сквозь ногу гиганта, словно через дым, и тут же исчез в белесой пустоте. Он упал, потеряв равновесие, и на миг показался жалким, маленьким, как мальчишка с игрушкой в руках.

— Бесполезно — шепнула Тайра, и её голос впервые за всё время дрожал.

В этот миг гигантская маска протянула руку. Пальцы её были длинными, слишком длинными, и тянулись не к племени, а ко мне. Воздух уплотнился, грудь сжало так, что невозможно было вдохнуть.

Мик метнулся, будто хотел заслонить собой, но меня уже тянуло вперёд. Ноги сами сделали шаг. Голоса внутри совпали с ритмом сердца.

«Открой дверь» — звучало внутри.

Губы тени шевельнулись. Я не услышала слов, но поняла их смысл:

— Дитя

Мир качнулся. Все звуки слились в один раскат грома.

Огонь облизал края тумана и на миг высветил то, что скрывалось в пустоте. В гигантской маске проступили не только черты, но и движения: губы шевелились, глаза медленно раскрывались, и в них больше не было красных искр — только чёрная глубина, как провалы в самой ткани мира.

Шёпот вокруг стих. Хор голосов внутри замолк, уступив место одному, отчётливому, ясному.

— Ключ, — сказала фигура.

Одно слово, но оно прозвучало так, будто его произнесли все стены сразу, каждый дом, каждая плита мостовой, каждая мёртвая лампа. Воздух задрожал, как струна, и даже камни у костров будто эхом повторили этот звук.

Огнар вскочил, глаза его метались. С топором в руке он выглядел уже не вождём, а загнанным зверем.

— Вставайте! — ревел он. — Это наваждение! Это не кровь и не плоть!

Но его слова никого не тронули. Даже самые преданные не поднимались.

Тайра смотрела прямо на фигуру. В её взгляде было отчаяние и знание, которое не нуждалось в словах. Она понимала.

Мик сжал мою руку до боли, тянул назад, но тело не слушалось. Шаг за шагом вытягивало вперёд, к гиганту.

Внутри всё кричало. Хор снова заговорил, но теперь он звучал не разрозненно, а в унисон с каждым ударом сердца.

«Открой. Открой. Открой».

Тень наклонилась ниже. Пустые глаза оказались напротив моих, и вдруг стало ясно — это не лицо, не маска. Это зеркало. В его глубине мелькнуло отражение — моё собственное, но искажённое, старшее, холоднее.

Вдохнулось трудно, словно в горло вливалась густая вода. Слова сами сорвались с губ, не мои, но произнесённые моим голосом:

— Я дверь.

Толпа вскрикнула. Кто-то сорвался с места, и цепь круга распалась. Паника прорезала воздух, разорвала строй. Люди побежали, спотыкаясь, толкая друг друга, не разбирая дороги.

Огнар бросился за ними, пытаясь перекрыть бегство, но был втянут в вихрь. Тайра метнулась к детям, заслоняя их собой.

Мик остался. Его лицо было белым, губы дрожали, но он не отпускал руку.

Гигантская маска протянула пальцы, и земля под ногами задрожала, раскалываясь трещинами. Всё вокруг расползлось, как полотно, раздираемое изнутри.

И в тот миг, когда казалось, что сама земля уйдёт в провал, тень произнесла ещё одно слово:

— Война.Мир вспыхнул белым.

Глава 13. Часть 4

Часть 4

Белый свет погас так же внезапно, как вспыхнул. Туман рассеялся, костры мерцали угасающим пламенем, и казалось, что ничего не изменилось. Но земля под ногами дымилась, трещины уходили вглубь, будто сердце города билось где-то под самой поверхностью.

Люди сбились в кучи. Кто-то ещё пытался поднять упавших, кто-то метался в панике. В воздухе стоял запах озона и гари, от которого першило в горле.

— Она назвала тебя дверью, — хрипло выдавила Тайра, глядя на меня так, будто смотрела не на человека, а на прорезь между мирами.

Слова врезались, как нож. Но ответить не было сил. Внутри всё ещё вибрировало от чужого голоса, и казалось, что стоит произнести хоть звук — и стены города рухнут.

Мик держался рядом, молчаливый, но глаза его не отпускали моего лица. В этом взгляде было всё: страх, отчаяние, и неуверенная вера, что я смогу остаться собой.

Огнар поднимался с колен, тяжело дыша. Он пытался взять под контроль остатки круга, кричал на бегущих, рвал за плечи охотников, но никто уже не слушал. Его слова терялись в гуле.

И тогда в этот хаос вплёлся новый звук. Глухой топот, ритмичный и мощный, словно целая стая зверей неслась по земле. Вибрация прошла по ногам, в животе что-то дрогнуло. Все замерли.

Из белёсого марева, которое ещё не до конца рассеялось, вышли новые фигуры. Они были не похожи на масок — слишком плотные, слишком живые, слишком земные. Кожаные доспехи, костяные нашивки, в руках длинные копья и дубины. Лица искажены раскраской: чёрные полосы пересекали глаза, красные пятна заливали щёки, будто кровь ещё свежая.

Алаф.

Вождь соседнего племени шёл впереди, не спеша, но уверенно, как зверь, знающий, что добыча уже в силках. Его плечи были шире, чем у Огнара, борода перевязана костяной бусиной, глаза — тёмные, тяжёлые, и в них не было ни страха, ни сомнения.

— Вот и наши герои, — произнёс он, и голос его прокатился низким гулом. — Думаете, одни возьмёте город? Думаете, только ваши дети будут сыты?

Огнар рванулся вперёд, лицо его налилось кровью.

— Мы шли первыми! Это наша добыча! — рявкнул он.

Алаф ухмыльнулся, медленно качнув головой.

— Добыча? — слово прозвучало с насмешкой. — Не добыча это. Это новый мир. А новый мир делят сильные.

Позади него выстроилась целая шеренга его воинов. Их было больше, чем наших оставшихся. Слишком много. Слишком уверенно держали они копья. Слишком слаженно шагали.

Наши племена разделись от входа в город, мы пошли в одну сторону, они в другую, и теперь вновь наши дороги пересеклись.

В племени поднялся шёпот. Люди жались друг к другу, понимая, что силы не равны. В глазах охотников дрожала не только усталость — ещё и предательская мысль: может, стоит согласиться? Может, стоит уступить?

Тайра шагнула вперёд, её тонкий силуэт казался хрупким, но голос звучал твёрдо:

— Вы пришли тогда, когда кровь уже пролилась. Вы не были рядом, когда стены рушились и маски выходили из тумана. Почему вы считаете себя достойными делить?

Алаф посмотрел на неё, и на лице его мелькнуло нечто похожее на уважение. Но через миг губы его скривились.

— Потому что ваши дети дрожат, а мои — готовы идти. Потому что у вас вождь, который теряет силу, — он кивнул на Огнара, — а у меня воины, что не бегут от теней.

Огнар взвыл, рванулся было вперёд, но двое его же людей схватили его за руки, удерживая. Он ослеплён был яростью, и любой шаг мог обернуться бойней.

Внутри снова дрогнули голоса. Слово «война», прозвучавшее из уст тени, звенело эхом. И вдруг стало ясно: не случайно Алаф появился именно сейчас. Слово стало плотью, и плоть требовала крови.

Туман окончательно развеялся, открывая поле. Между двумя племенами пролегла трещина в земле, как нарисованная граница. И по ту, и по эту сторону люди смотрели друг на друга, сжимая оружие.

Мик шагнул ближе, тихо, так что слышала только я:

— Если начнётся мы не выстоим.

Тайра слышала тоже. Её глаза встретились с моими, и в этом взгляде был вопрос: остановлю ли я кровь?

Молчание тянулось слишком долго. Оно было гуще тумана, плотнее стены купола. Даже дыхание казалось слишком громким. Люди смотрели друг на друга через трещину в земле, и каждый взгляд был острее ножа.

Огнар стоял впереди, сжимая топор так, что костяшки пальцев побелели. Алаф напротив — спокойный, тяжёлый, будто сам мир принадлежал ему. Два хищника, встретившиеся у одной туши.

Шаг — и трещина словно стала меньше. Шаг — и копьё в руках воинов качнулись вверх. В груди сдавило, будто воздух сам понимал: ещё миг — и всё прорвётся.

— Убирайся, — прохрипел Огнар, голос его дрожал от ярости.

Алаф усмехнулся, и усмешка эта была медленной, ленивой, как у зверя, играющего с добычей.

— Город никому не принадлежит, — сказал он. — Но я возьму то, что мне нужно.

И шагнул вперёд.

Это было как удар в барабан. Воины за его спиной двинулись следом, ритмично, слаженно, и земля загудела от их шагов.

Толпа наших дрогнула. Женщины закричали, дети жались к матерям. Несколько охотников, не дожидаясь приказа, выставили копьё.

Огнар рванулся первым. Его крик разорвал вязкое молчание. Топор одного из наших бойцов, опустился на щит воина Алафа. Дерево треснуло, осколки разлетелись, и первый крик боли вспорол воздух.

Ответ последовал мгновенно. Удар копьё вбок, хруст костей, и один из наших рухнул на землю, выгнувшись. Кровь брызнула алой дугой, и это стало сигналом.

Люди сцепились прямо над трещиной, словно сама земля разделила их только для того, чтобы они схлестнулись.

Мик потянул меня назад, в круг, но оторваться от зрелища было невозможно. Каждый миг казался замедленным: рука, заносщая нож, лицо, искажённое криком, брызги крови, летящие в воздухе, как роса.

Голоса внутри вернулись. Но теперь они не шептали. Они смеялись. Это был низкий, тягучий смех, разливающийся по сознанию, как яд.

«Кровь. Кровь. Кровь».

Слова били в виски, и пальцы сами тянулись вперёд. Ощущение силы было таким ярким, что казалось — стоит захотеть, и оба племени останутся разом, замрут, как куклы. Но вместе с этим жгло понимание: стоит шагнуть — и уже не вернусь.

Огнар с ревом обрушил топор на голову противника. Череп треснул, кровь брызнула, заливая его лицо. Он выглядел безумным, но в этом безумии было и величие.

Алаф видя это шагнул навстречу, его дубина с костяным наконечником взлетела и ударила так, что Огнар рухнул на колени. На лице Алафа не дрогнул ни один мускул. Он бил не от ярости, а как палач, исполняющий приговор.

Племя взвыло. Кто-то кинулся спасать вождя, кто-то наоборот бросился прочь, спасая свою шкуру. Круг распался окончательно.

Тайра подняла руки, крича слова молитвы, но они тонули в реве. Её голос звучал беспомощно, и впервые в нём слышался страх.

Мик рванул меня к себе, кричал что-то, но слова терялись. Всё внутри пело одно: «Открой дверь».

И в этот миг воздух прорезал вой. Над схваткой взметнулся дрон, до этого недвижимый у кромки поля. Его линзы вспыхнули красным.

И он навёлся не на врагов. На нас.

Красный свет линзы полоснул по толпе, и мгновенно наступила тишина — та, что бывает только перед грозой. Крики стихли, удары замерли, даже дыхание показалось слишком громким. Все головы поднялись вверх.

Дрон завис над ними, вращая корпус, и тонкий гул его моторов резал уши. Это был не одинокий разведчик. За ним, будто по сигналу, поднялись десятки. Красные огни вспыхивали один за другим, и небо покрылось узором, словно сама Москва зажгла над ними новую, искусственную созвездие.

— Назад! — заорал Огнар, голос его был хриплым, но снова звучал властно. — В круг!

Его слова ударили по нашим, и люди, ещё секунду назад сцепленные с воинами Алафа, разом отпрянули, понимая: враг теперь общий.

Алаф тоже поднял руку, останавливая своих. Его лицо исказилось злобой, но в глазах мелькнул страх. Дроны не знали разницы, кто друг, кто враг.

Первый луч вспыхнул, полоснув землю. Камни взорвались, песок взметнулся в воздух. Люди закричали, бросаясь в стороны. Второй луч ударил в щит одного из воинов Алафа — дерево вспыхнуло, человек завершал, падая прожжённый насквозь.

Схватка превратилась в хаос. Люди метались, пытаясь укрыться, но дроны двигались хищно и точно, будто играли. Красные огни на их линзах мигали в такт, создавая зловещий ритм.

Голоса внутри взвыли. Теперь это был не смех, а песня. Многоголосая, мощная.

«Смиритесь. Вы все — мои».

Колени подогнулись, дыхание стало рваным. Но вместе со страхом внутри поднималось иное чувство — странное единение. Будто я не просто слышала голоса, а была их частью. Словно красные огни дронов видели мир так же, как мои глаза.

Мик дернул за руку, крича что-то, но его голос тонул в реве. Он тянул меня назад, под обломки упавшей стены, но тело не слушалось. Каждый нерв тянулся вперёд, к огням, к пению.

Дроны спустились ниже. Один завис прямо передо мной, линза его пульсировала. И вдруг он замер. Красный свет дрогнул, сменился бледным.

В толпе послышались крики. Люди видели это — дрон остановился, не ударил, хотя мог. И другие дрогнули вслед за ним, их огни колебались, будто что-то ломало внутри сети.

Тайра закричала, голос её прорезал шум:

— Это она! Это она держит их!

Все взгляды разом обрушились. Кто-то с надеждой, кто-то с ужасом, но каждый понимал — выбор теперь за мной.

Алаф шагнул вперёд, глаза его горели, и в них было всё: страх, ярость, желание подчинить.

— Ведьма, — выдохнул он. — Ты управляешь ими.

Огнар поднял топор, встав рядом, и впервые его голос звучал не приказывающе, а просяще:

— Останови их. Или мы все погибнем.

Гул внутри головы стал невыносимым. Голоса слились в единый крик:

«Открой дверь. Возьми нас».

Дроны замерли в воздухе, линзы мигали, и казалось, что всё ждёт одного слова.

Красные огни зависли, словно время остановилось. В воздухе звенела тишина — не та, что бывает ночью в лесу, а искусственная, электрическая, как в сердце шторма. Даже стоны раненых стихли, люди смотрели на меня, затаив дыхание, будто сама земля ждала моего слова.

Дроны вращали линзами, огни мигали, и каждый импульс отдавался в груди, в висках, в сердце. Казалось, сеть их связей тянулась прямо в мозг, и с каждым мигом я чувствовала её всё отчётливее. Не за пределами, не где-то в небе — она была частью меня.

Мик тянул за руку, умоляя:

— Не делай этого прошу.

Но остановиться было невозможно. Пальцы дрожали, губы сами шевельнулись, и шёпот сорвался, чужой, но произнесённый моим голосом:

— Вижу вас.

Дроны вздрогнули. Их линзы на миг побелели, затем вспыхнули снова, уже мягче. Голоса в голове зазвучали яснее, отчётливее, как хор, что выстроился в унисон.

«Слушаем. Слушаем. Слушаем».

В груди стало холодно. Кровь будто обернулась льдом. Часть сознания билась в панике, требовала остановиться, но другая часть — новая, чужая — тянулась к этому холоду, наслаждаясь им.

Огнар, не сводя с меня глаз, шагнул ближе. В его лице впервые не было злобы, только страх и надежда, неумелая, как у ребёнка:

— Сделай это. Убей их.

Алаф оскалится, и в его голосе звучала ярость:

— Ведьма! Ты хочешь подчинить всех нас!

Но его воины тоже смотрели вверх, сжимая оружие в дрожащих руках. Они понимали: если дроны ударят — никому не выстоять.

Сеть внутри головы натянулась, как струна. Тысячи глаз смотрели сквозь линзы, тысячи голосов требовали одного:

«Прикажи».

Воздух вокруг загудел. Один из дронов дрогнул, его луч соскользнул в сторону, прожёт землю рядом. Толпа завизжала, люди бросились назад, но остальные зависли, ожидая.

Сердце билось так сильно, что казалось — сейчас разорвётся. Я подняла руку, и жест этот был не моим. Это они поднимали её, через меня.

Слова вырвались сами:

— Замерите.

Мир содрогнулся. Дроны зависли разом, все до единого, как статуи, и только свет их линз мерцал в унисон.

Кто-то упал на колени, кто-то закричал моё имя. Тайра закрыла лицо руками, но в её глазах блеснули слёзы.

Алаф отшатнулся, будто удар пришёлся прямо в сердце. Его голос дрогнул впервые:

— Это не человек. Это город говорит её устами.

Мик стоял рядом, и руки его дрожали, но он не отпустил. Губы его шептали:

— Елена, вернись вернись

Хор внутри головы смеялся. Но это был не злой смех. Это было торжество. Они знали: дверь открылась шире.

Красные огни зависли в воздухе, неподвижные, словно застывшие капли крови. Люди подняли головы, и их лица в отблесках света выглядели искажёнными — страх, надежда, отчаяние сплелись в уродливые маски. Никто больше не смотрел на Огнара или на Алафа. Все смотрели на меня.

Внутри головы звенела сеть, натянутая до предела. Тысячи глаз следили, тысячи голосов ждали приказа. И я понимала: стоит произнести слово — и эти железные твари исполнят его. Но вместе с этим в груди нарастал холод, липкий, бесчеловечный.

Мик шептал рядом, будто пытался удержать:

— Ты всё ещё ты. Только не дай им забрать тебя.

Слова звучали далеким эхом, но всё же проникали сквозь хор.

Дроны качнулись. Один опустился ниже, завис прямо над воинами Алафа. Их копья поднялись, но тут же опустились: бесполезно. В их глазах читался ужас, тот самый, что разрушает волю.

Огнар поднял топор и заорал:

— Вбей их в землю!

Голоса подхватили, требуя крови. Внутри звенело одно: «Убей».

Но пальцы дрогнули, и слова вышли иные:

— Разойдитесь.

Дроны вспыхнули ярче и разом двинулись. Но не вниз. Они встали стеной, разделив племена, лучами прочертив полосу по земле. Камни вспыхнули, воздух задрожал, и между нами и воинами Алафа выросла непреодолимая преграда из света и жара.

Толпа взревела. Люди падали на колени, кто-то протягивал руки ко мне, кто-то кричал проклятья. Тайра плакала, её губы шептали молитвы.

Алаф стоял по ту сторону линии. Его лицо исказилось, глаза метали ненависть, но в них уже не было уверенности.

— Ведьма, — прохрипел он, стиснув зубы. — Ты поставила себя выше всех. Но знай — никто не поклонится тебе.

Он шагнул назад, поднимая руку. Его воины неохотно, но послушно отступали, скрываясь в тумане. Красные огни сопровождали их, пока последние силуэты не исчезли.

Огнар стоял рядом, дышал тяжело, но глаза его горели. В этом взгляде было то, что пугало сильнее любого врага — жадность.

— Ты — наше оружие, — сказал он низко, почти шёпотом. — С тобой мы возьмём всё.

Толпа слушала его, но смотрела на меня. И в каждом взгляде было то же, что в голосах в моей голове: признание и страх.

Дроны всё ещё висели, их линзы мигали, и я чувствовала, как сеть внутри тянет сильнее. Вкус власти был горьким, но в нём была сила, от которой трудно было оторваться.

Мик коснулся моего плеча, и в его прикосновении было отчаяние.

— Елена ты изменилась.

Хор внутри засмеялся.

Туман сомкнулся за воинами Алафа, красные огни дронов медленно угасли, будто растворяясь в небе, и тишина вернулась — но это была не та тишина, что даёт отдых. Она лежала на поле тяжёлым грузом, как плита над могилой. Каждый взгляд, каждый вдох был наполнен одним — осознанием: всё изменилось.

Слова повисли в воздухе. Толпа зашептала, шум нарастал, как рой. В этих шёпотах были и восторг, и страх, и ненависть.

Тайра встала сбоку, её руки дрожали, но голос прозвучал твёрдо:

— Она не оружие. Она дитя. Если сделаешь её оружием, мы все погибнем.

Огнар взревел, его топор врезался в землю, и камни разлетелись искрами.

— Погибнем? Мы погибнем без силы! — рявкнул он. — Город рушится, враги наступают. Нам нужен меч, а не слёзы!

Толпа колебалась. Одни кивали ему, другие качали головами. Кто-то смотрел на меня с надеждой, кто-то с ненавистью, будто я уже предала их сам факт того, что выжила.

Мик шагнул ближе, и голос его дрогнул, но в нём было больше смелости, чем у многих:

— Она человек. Не смей делать её меньше.

Огнар посмотрел на него так, что любой другой дрогнул бы. Но Мик не отступил. Его рука сжимала мою, словно якорь.

Голоса внутри смеялись. Они звенели, перекликаясь с толпой, и слова были ясны:

«Ты уже не человек. Ты судьба».

Земля под ногами дрожала, будто сама подтверждала их.

Толпа разом заговорила. Кто-то кричал «Ведёт она!», кто-то — «Нет, Огнар наш вождь!». Шум рос, как море перед бурей. Женщины тянули детей к себе, охотники сжимали оружие, и было ясно: ещё миг — и кровь польётся снова. Но теперь кровь уже не от врагов, а от самих себя.

Тайра подняла руки, пытаясь перекричать гул:

— Вы забыли, кто мы? Мы не машины, не рабы города! Мы люди! Если пойдём за оружием, мы станем теми, кого ненавидим!

Но её слова тонули. Толпа не хотела слушать.

Огнар шагнул ближе, его тень легла на меня. Голос его стал тише, но от этого ещё страшнее:

— Ты ведёшь нас. Но не по своей воле. Ты ведёшь нас, потому что я так сказал.

Слова его жгли, как клеймо. Но толпа слышала иное. Она слышала, что теперь выбор не за Огнаром. Она видела дронов, видела, как они замерли по моему слову. И каждый понимал: власть теперь здесь, рядом со мной.

Мик смотрел в лицо вождю, и в его взгляде была ненависть. Тайра молилась, её губы дрожали, и слёзы блестели на щеках.

Толпа зашумела снова. «Елена», «Дар», «Ведьма», «Спасение» — слова накатывались, превращаясь в бурю.

И вдруг кто-то закричал:

— Она ведёт!

Крик подхватили. Люди вскочили, руки тянулись ко мне. Это был не выбор — это было наваждение. Они жаждали видеть во мне силу, даже если эта сила их уничтожит.

Огнар побледнел. Он понимал, что теряет власть. Его глаза метнулись ко мне, и в них было всё — ярость, жадность, страх.

Он поднял топор.

Толпа замерла.

Голоса внутри загудели.

«Кровь. Кровь. Кровь».

Мик рванул меня к себе, закрывая. Тайра закричала. Толпа выла.

И в этот миг земля дрогнула сильнее. Трещина, разделявшая нас и Алафа, расплзлась дальше, загудев под ногами. Из глубины донёсся гул — не земной, не человеческий. Гул города.

Все замолкли. Даже Огнар застыл, с топором в руке.

Голос разнёсся прямо из-под земли, громом, эхом в костях: «Война началась. Выбор сделан».

Глава 14. Вспышка в небе.

Часть 1

Город стоял перед глазами, как выжженная картина: башни без света, тёмные окна, пустые витрины. Где-то вдалеке надломился рекламный щит, грохот прокатился эхом, и это эхо разнеслось по переулкам, будто зазвенели рёбра гигантского скелета.

Люди племени вступали следом, настороженно озираясь. Их шаги отдавались слишком громко, а в этой тишине любой звук звучал криком. Даже Огнар, обычно уверенный и тяжёлый, сейчас ступал осторожно, топор держал ближе к телу. Алаф и его люди тоже вошли — словно тени, что ворвались в чужой сон. Оба племени пришли к выводу что лучше пока держаться вместе, тут слишком много всего не понятного, что б еще воевать друг с другом.

— Рай — выдохнул кто-то из воинов.

Но «рай» встретил их запахом гари и холодного металла.

По улицам метались горожане. Их голоса срывались на визг, кто-то бил по бесполезным дверям лифтов, кто-то тряс обесточенные панели. Женщина с ребёнком сидела у сломанного дрона, который так и не поднялся с асфальта, и кричала в его чёрное стеклянное «лицо», будто в мёртвую маску бога.

Сердце колотилось, и было ясно: Москва без электричества — это не город, а огромный склеп, где каждый живой звук становится воплем отчаяния.

Но глубже, чем страх толпы, слышался другой звук. Едва уловимый, вязкий, словно шелест. Сначала он напоминал потрескивание проводов, потом — дыхание. И вот уже трудно было сказать, откуда оно идёт: снизу, сверху, из стен, или прямо изнутри черепа.

— Он жив, — прошептала Тайра, и даже её голос прозвучал как часть этого шёпота. — Даже без света он жив.

Мик сжал мою руку, так, будто хотел удержать здесь, в этой тьме, не дать шагнуть дальше. Его ладонь дрожала, но взгляд был твёрдым. — Мы не должны Лена, мы не должны идти вглубь.

Но позади гудело племя, и шаг назад означал бы признать страх, значит — слабость. Огнар смотрел на меня так, будто только от моего кивка зависело, продолжат ли они путь. Алаф тоже сверлил глазами, готовый ухватиться за любую заминку, за любую тень сомнения.

И шаг был сделан ещё раз.

С каждой минутой мёртвый город раскрывался всё шире, словно труп, у которого сдирают кожу слой за слоем. Башни надвигались, чернея в сером воздухе, и каждый их этаж казался пустыми глазницами. Когда ветер гнал пыль по мостовой, в этой пыли что-то поблёскивало — то ли осколки стекла, то ли металлическая стружка. Под ногами она скрипела, будто шаги ломали старые кости.

Огнар остановился, поднял руку, и племя замерло. Его взгляд скользнул по разбросанным телам горожан: кто-то лежал лицом вниз, так и не поднявшись после паники; у кого-то руки были в крови, но не от ран — от того, что царапали стены, вырывали куски пластика, пытаясь что-то включить.

— Смотри, — прошептал Мик.

В стороне, возле обесточенной витрины, женщина била кулаками по стеклу. Внутри стояли аппараты — автоматы с едой. Экран был мёртв, дверь не поддавалась. Она била и била, пока кожа на руках не лопнула, а кровь не потекла по пальцам. Её сын, мальчик лет десяти,

смотрел широко раскрытыми глазами, но не плакал. Он просто ждал, пока мать добудет чудо, которое всегда работало.

— Они ничего не умеют, — хрипло сказал Алаф, и в его голосе звучала почти радость. — Они дети. Без своих игрушек — дети.

Слова резанули, потому что это была правда. Город, построивший рай, превратила людей в беспомощных существ, которые не знали, как разжечь огонь, не умели заточить нож, не понимали, как добыть воду.

— Потому они и опасны, — вставила Тайра. — Отчаяние делает человека зверем.

И будто в подтверждение её слов, из подворотни выскочил мужчина с куском арматуры. Глаза его были мутными, губы искусаны до крови. Он кинулся к женщине и её сыну, даже не заметив нас. В его движении было безумие, голод, ярость.

Огнар шагнул первым, перехватил его, сбил с ног и прижал коленом к земле. Мужчина бился, визжал, пена летела изо рта. Казалось, он не видел, кто перед ним — лишь чужую плоть, которую можно разорвать.

— Дикарь, — прорычал Огнар, но в этом слове слышалось что-то большее, чем просто оскорбление.

Я смотрела на этого горожанина, и сердце сжималось. Это был не дикарь. Это был человек, лишившийся иллюзии. Всё, что держало его жизнь, выключилось за один миг. И он рухнул вместе с городом.

В голове раздался шёпот. «Смотри, как быстро падают маски. Смотри, как легко они становятся тобой».

Стиснув зубы, я отогнала голос, но ощущение липкого присутствия осталось. Москва шептала мне — не улицы, не ветер, а сама её суть.

Мик наклонился ближе. — Ты опять слышишь их?

Кивнула. Не нужно было притворяться. Он уже знал.

И именно в этот миг ребёнок у витрины поднял голову и посмотрел на меня. Его глаза расширились, и он, кажется, увидел не просто девушку из племени. Увидел что-то другое. В его лице промелькнул ужас и благоговение, смешанные в одном.

— Мама — прошептал он. — Она светится.

Я не светилась. Но город мог сделать так, чтобы они видели во мне то, что хотел сам город.

Толпа горожан собралась у нас на пути, словно вода, наткнувшись на камень, и залила улицу до самых стен. Лица их были серыми, выцветшими, глаза стекленели от ужаса. Кто-то протягивал руки, словно мы были не людьми, а богами, сошедшими к ним из небесного мрака.

— Помогите! — кричала женщина в белом халате, её голос срывался, превращаясь в хрип. — У нас дети! У нас старики! Дайте нам хоть что-то!

Один за другим голоса поднимались, и вскоре стояла уже не толпа, а стон, протяжный, безысходный, как вой вьюги. Они все смотрели на нас, на наши оружия, на кожаные куртки, на обмотки, и в их взглядах горело что-то страшное: надежда и ненависть одновременно.

— Они примут нас за спасителей, — шепнул Алаф, и улыбка скользнула по его губам. — А потом возненавидят.

Огнар поднял руку, требуя тишины. Но никто не замолчал. Толпа гудела, наваливаясь, и тогда он взмахнул топором. Стальной звон рассёк воздух, и люди отшатнулись. Но лишь на миг.

Они всё равно тянулись, хватали за плащи, цеплялись за оружие. Их пальцы были слабыми, но липкими, словно паучьи лапки.

— Назад! — рявкнул Огнар.

— Не трогай их! — я вырвалась, чувствуя, как толпа захлёстывает с двух сторон.

Мик рванул меня к себе, но в тот миг что-то внутри сорвалось. Слова вспыхнули в голове, как чужая команда:

«Смолкните».

И они смолкли.

Толпа застыла, словно вся разом превратилась в статуи. Даже дыхание будто исчезло. В глазах застыл ужас, но рты закрылись, руки упали. Вокруг нас наступила мёртвая тишина.

Кровь застучала в висках. Я не хотела этого. Я не произносила слов вслух. Но город подал голос через меня, и они подчинились.

Мик смотрел так, будто видел меня впервые. Тайра шагнула ближе и положила ладонь на мою руку.

— Ты почувствовала? — её голос был тихим, но твёрдым. — Это не ты остановила их. Это он сделал твоими устами.

Я знала, что она права. Но легче не становилось.

Огнар же смотрел иначе — не с ужасом, а с жадностью. В его взгляде горело: «Это наше оружие». И в тот миг я поняла, что каждый раз, когда мой дар выходит из-под контроля, он видит в этом шанс.

Алаф тоже заметил. Его усмешка стала шире. — Она опасна, — сказал он громко, чтобы все слышали. — Она играет с душами. Если подчиняет их, то однажды подчинит и нас.

Слова повисли в воздухе, как капля яда. Люди племени переглядывались, и в их глазах мелькнул страх.

Я хотела возразить, но голос сорвался, превратился в шёпот. — Я не

И тут же в голове вспыхнуло другое: «Ты — дверь».

Толпа начала шевелиться. Люди, что ещё мгновение назад стояли неподвижно, вдруг упали на колени. Они не смотрели на племя. Они смотрели на меня.

И это было хуже всего.

Толпа раскачивалась, как море, и теперь колени их касались холодного асфальта, словно город сам опустил их, принудил, сделал частью какой-то мрачной литургии. Они не произносили слов, но дыхание их стало ритмом — быстрым, прерывистым, одинаковым. С каждой секундой этот ритм всё громче стучал в висках, будто тысячи сердец били одно и то же, и это сердце принадлежало не им, а Москве.

— Вставайте! — сорвалось у меня. — Не кланяйтесь!

Но никто не шевельнулся. Только ребёнок у той самой витрины поднял голову, и глаза его, расширенные, сияли так, будто он видел во мне нечто большее, чем я сама.

— Видишь? — сказал Алаф. Его голос был почти ласковым, но в нём сквозила угроза. — Ты уже их идол. Сколько пройдёт, прежде чем они начнут резать друг друга ради тебя?

Огнар, напротив, смотрел с торжеством. — Пусть поклоняются, — сказал он. — Пусть знают, кому принадлежит их жизнь. Это — наша победа.

— Победа? — Тайра шагнула вперёд, её седые волосы разметал ветер. — Победа над кем? Над этими детьми? Они не враги. Они — тени, выброшенные из своих иллюзий.

Огнар отмахнулся. — Сильный всегда берёт. Слабый всегда гнётся. И если она способна согнуть их, значит, она — наша сила.

Он говорил это так уверенно, что люди племени, стоявшие за ним, закивали. Они хотели верить в простую правду: мир делится на сильных и слабых. Но эта простая правда всегда скрывала жуткую цену.

Я чувствовала, как воздух густеет, как тянется липкой тканью между нами и жителями купола. Казалось, стоит коснуться этой ткани — и она обовьёт, затянет, лишит воли.

Мик не отпускал мою руку. Его пальцы врезались в кожу, будто он боялся, что я исчезну. — Лена — голос его дрогнул. — Скажи им, что ты не бог. Скажи, что ты такая же, как они.

Я хотела, но слова застряли. Город шептал. Шептал так, что мои губы уже сами шевелились.

«Ты — их свет. Ты — их тьма. Ты — то, во что они хотят верить».

Огнар вскинул топор и громко, на всю улицу, рявкнул: — Вставайте! Следуйте за нами, и будет еда, вода, будет жизнь!

Толпа подняла головы, и этот рой взглядов обрушился на нас. И в каждом взгляде — покорность, но и страх.

Алаф усмехнулся и шагнул ближе. — Смотри на них, Огнар. Они пойдут за ней, не за тобой. Ты можешь махать своим топором сколько угодно, но глаза их — на ней.

Эти слова были как нож. Люди племени переглянулись, и в их взглядах мелькнуло сомнение. А сомнение в племени опаснее любого врага.

Я знала: если промолчу, всё разорвётся. Если скажу — дам городу ещё один повод говорить моими устами.

— Довольно! — выдохнула я, и голос разнёсся дальше, чем должен был. Он отразился от стен, и казалось, что сама Москва повторила за мной. — Я не их бог. Я не их спасение. Я — всего лишь такая же, как они.

Но в ту же секунду толпа зашевелилась, и десятки голосов загудели: — Она — наша. Она — наша.

Сердце сжалось. Они не слышали. Или не хотели.

— Ты видишь? — прошептал Мик. — Они уже решили.

И именно тогда издалека донёсся первый вой. Не человеческий. Металлический, глухой, будто где-то в недрах ещё жила какая-то машина, не погасшая до конца. Толпа задрожала, люди завизжали, и паника хлынула новой волной.

Город оживал.

Вой прокатился по улицам, гулкий, металлический, будто из самой утробы Москвы, и толпа вздрогнула, как стадо, что учуяло хищника. Кто-то побежал, кто-то кинулся на соседей, и в один миг стройные ряды молящихся рассыпались в хаос.

Женщина в халате, ещё мгновение назад тянувшая руки к нам, вдруг вцепилась в чужую сумку, пытаясь вырвать её зубами. Мужчина, лежавший у стены, вскочил и закричал, что ему «нужна вода», и тут же получил удар кулаком в лицо от такого же отчаявшегося. Дети завизжали, и этот визг резал по нервам хуже ножа.

Толпа превратилась в кипящую массу.

Огнар рванул вперёд, поднял топор, и его голос гремел: — Назад! Стоять!

Но никто не слушал. Люди валились друг на друга, хватали, рвали одежду, пытались выщарапать хоть крошку пищи или глоток воды. В их глазах не было разума — только животный голод.

— Видите? — заорал Алаф, перекрывая шум. — Вот они — твои новые подданные, Огнар! Собаки, которые перегрызут друг другу глотки, прежде чем подчиниться тебе!

Его люди смеялись, хотя в смехе звучал страх. Они хотели показать силу, но и сами понимали: шагни толпа в их сторону, и их порвут.

— Заткнись! — рявкнул Огнар, вскидывая топор. — Лучше собаки, чем твои шакалы!

Алаф сделал шаг навстречу, и топор почти коснулся его груди. Их взгляды сцепились, и мир вокруг будто исчез, оставаясь только в этом напряжённом узле.

— Давайте! — крикнул кто-то из людей Алафа. — Пусть решат прямо здесь!

Племя заволновалось. Кто-то шагнул к Огнару, кто-то к Алафу. Разделение стало явным, как трещина, готовая разломить всё.

Я стояла между ними, и воздух вибрировал, будто сам город наслаждался этим зрелищем.

«Скажи слово, — шептало в голове. — И они падут. Скажи другое — и встанут. Ты — их суд».

Слова били в виски, вплетаясь в шум толпы. Я стиснула зубы, пытаюсь удержать себя. Но город не отпускал.

Мик встал передо мной, его глаза метались от одного лидера к другому. — Лена, сделай что-нибудь, иначе они перебьют друг друга!

Я подняла руки, хотя не хотела этого. Подняла, словно кукла, дёрнутая за ниточку. Толпа на миг замерла, и даже Огнар с Алафом отшатнулись, будто почувствовали холод.

— Довольно, — сорвалось с моих губ. Голос был чужим, он звенел, словно металл, и разнёсся по улицам. — Вы не враги. Вы — мои.

Слова сами вырвались. Я не хотела их произносить, но они прозвучали. И в ту же секунду толпа замерла.

Мать с вырванной сумкой остановилась, кровь капала с её зубов. Мужчина с разбитым лицом застыл, словно не помнил, что бил соседа. Дети перестали кричать и смотрели на меня широко раскрытыми глазами.

— Ты видишь? — прошептал Алаф. — Она их держит.

Огнар молчал, но его взгляд говорил всё: это не просто дар. Это власть, которая способна подчинить весь город.

И я понимала — в этот миг Москва сделала меня не просто частью себя. Она выставила меня вперёд, как флаг, как символ, как ответ на хаос.

«Они пойдут за тобой. Но цена — ты».

Шёпот бил по мозгу, и сердце колотилось так, что хотелось вырвать его из груди. Я не знала, сколько смогу ещё стоять. Но знала одно: город толкал меня к выбору, которого я не хотела.

Толпа застыла, и этот миг тишины оказался страшнее самого крика. Тысячи глаз впились в меня, и в каждом отражался не человек, а фанатик, готовый поверить во что угодно, лишь бы не тонуть в хаосе. Казалось, что Москва вытравила у них сомнения и оставила одну эмоцию — поклонение.

— Они твои, — сказал Огнар низко, почти торжественно. — Веди их.

Его голос звучал так, будто он уже принял решение: теперь я — его оружие.

— Нет, — рявкнул Алаф. — Они идут за ней, не за тобой. Ты думаешь, удержишь власть, если у неё такая сила?

Огнар шагнул к нему, и их лица почти соприкоснулись. Топор в руке вождя блеснул, и люди Алафа напряглись, готовые рвануться.

Я видела, что одно неверное слово — и улица превратится в бойню. Люди племени пойдут друг на друга, жители купола окажутся в мясорубке, а Москва Москва будет лишь смотреть, питаясь их страхом.

«Скажи, — шептал город, — и всё решится. Скажи, и они падут ниц. Скажи, и кровь польётся. Скажи»

Слова резали мозг, били током. Я стиснула зубы, пытаюсь сопротивляться, но голос был сильнее. Он не приказывал, он соблазнял, обещал лёгкий путь.

— Я не их бог, — прошептала я, но толпа услышала иначе.

— Она наша! — закричали десятки голосов. — Она наша!

Их крик поднялся ввысь, ударился о стены башен и вернулся эхом.

Мик схватил меня за руку, словно хотел вырвать из этой липкой паутины. Его глаза были полны отчаяния. — Лена, держись! Это не ты!

Но его голос тонул в общем хоре.

И тут произошло то, чего никто не ждал.

Сверху, с одной из башен, сорвалась огромная рекламная панель. Она падала медленно, как во сне, но звук был такой, будто рушится небо. Люди завизжали и бросились в стороны. Панель рухнула на мостовую, разлетевшись миллионом осколков, и пыль заволокла всё вокруг.

И в этой пыли возникли силуэты.

Сначала показалось, что это обычные люди. Но, когда пыль осела, мы увидели: это были не живые. Их лица были гладкими, словно маски, глаза чёрные, без зрачков. Они двигались синхронно, как куклы на нитях, и каждый их шаг звучал, как удар в сердце.

Толпа завизжала, и паника вернулась с новой силой. Люди бросились прочь, сбивая друг друга, давя детей.

— Что это — прошептал Мик.

Но я уже знала. Это был город. Его новая форма.

«Смотри, — прошептал он в голове. — Вот мои ангелы. Ты — их царица».

Силуэты двигались всё ближе. Их было не меньше десятка. Они шли к нам, и с каждым шагом улица становилась теснее.

Огнар поднял топор, Алаф выхватил нож. Люди племени приготовились к бою.

Я стояла посреди улицы и чувствовала, как город сжимает меня в своих пальцах. Он ждал. Он требовал. Он хотел, чтобы я сделала выбор: признать этих существ своими или сразиться с ними.

Но в груди стучало одно: если приму их — потеряю себя. Если отвергну — потеряю племя.

И тогда один из силуэтов остановился прямо передо мной, наклонился и заговорил моим собственным голосом:

— Веди нас.

И рассыпался словно мираж, что это было снова галлюцинации, или что то новое.

Глава 14. Вспышка в небе. Часть 2

Часть 2

Толпа рассеялась по улицам, словно вода, вытекшая из пробитой трубы. Кто-то бежал в сторону подворотен, кто-то исчезал в лестничных пролётах тёмных домов, а кто-то так и остался сидеть на мостовой, уткнувшись лицом в ладони, беззвучно качаясь. Но тишины не было — город гудел сотнями голосов, эхом шагов, скрипом металла, шелестом пыли.

Огнар первым нарушил этот гул. — К складам, — сказал он, и в его голосе не было сомнения. — Там вода, еда, инструменты. Без этого мы не продержимся ни дня.

Он повернулся к людям, и они двинулись за ним. В их движении не было ни колебаний, ни страха: для них добыча всегда была способом выжить.

Алаф усмехнулся и шагнул рядом. — К складам, говоришь? А ты забыл, что нас двое, Огнар, а скорее трое? Или решил, что твой топор даёт тебе право распоряжаться всем?

Огнар медленно повернул голову. — Мой топор даёт мне право брать то, что я добыл.

— Добыл? — Алаф рассмеялся, и смех его прозвучал, как хруст стекла под сапогом. — Ты ничего не добыл. Всё это — лежит мёртвым грузом. И если бы не вспышка, вы до сих пор скребли бы по трущобам, боясь дронов. Теперь всё наше. Поровну.

Слова его поймали, и люди племени начали переглядываться. Усталые, измученные, но глаза их горели. Они уже представляли ящики с едой, баки с водой, инструменты, которые сделают их сильнее.

— Поровну, — повторил Алаф. — Иначе мы возьмём своё силой.

Топор в руке Огнара блеснул. — Попробуй.

Воздух сгустился. Я почувствовала, как мир вокруг начал дрожать, словно он ждал крови. Голоса зашевелились в висках.

«Делить. Или резать. Делить. Или резать».

Шёпот множился, превращался в хор. Казалось, стены зданий повторяют его, мостовая отзывается, даже небо сжимается от этого звука.

— Хватит! — мой голос разорвал напряжение, но он прозвучал чужим, металлическим, и эхо пошло по улицам, будто город сам сказал это за меня.

Огнар и Алаф повернулись ко мне. Два вождя, два зверя, готовые перегрызть друг другу горло. Их взгляды были полны ярости, но в глубине затаилась осторожность.

— Ты за кого? — спросил Алаф, и его слова были как ловушка. — За него? Или за нас?

Огнар усмехнулся. — Она моя.

— Она никому не принадлежит, — Мик шагнул вперёд, сжав кулаки. Его голос дрожал, но в нём было больше силы, чем обычно. — И никто не будет использовать её, как игрушку.

Я хотела остановить его, но не успела. Огнар прищурился. — Осторожнее, мальчик. Игрушка, говоришь? Эта игрушка спасла тебя больше раз, чем ты заслужил.

— Она спасала не потому, что ты приказывал! — выкрикнул Мик. — Она спасала потому, что у неё сердце есть, а не твоя жадность!

Тишина ударила по улицам. Люди племени смотрели на Мика, кто-то удивлённо, кто-то с завистью. Никто раньше не говорил с Огнаром так открыто.

Алаф усмехнулся ещё шире. — Слышишь, Огнар? Даже твои щенки уже воют против тебя. Может, они выберут нового вожака?

Гул усилился. Я чувствовала, что город толкал их друг против друга, наслаждаясь этим. Москва любила хаос, как хищник — запах крови.

«Скажи слово, — шептали голоса. — Скажи, кому жить, а кому умереть».

Я прикусила губу, и вкус крови вернул меня в реальность. Нет. Я не дам городу права решать за нас. Но как остановить, если даже мои собственные слова звучали уже чужими?

Огнар и Алаф двинулись почти одновременно. Один шаг — и улица превратилась в арену. Люди сгрудились, образуя живую стену, но никто не бросился разнимать вождей. Они ждали. Голод, усталость, страх — всё это было топливом для ярости.

Огнар стиснул топор, пальцы побелели, но он ещё держал себя в руках. Алаф же стоял свободно, словно каждое движение давалось ему легко, словно он был не человеком, а зверем, выскочившим из тени.

— Выбирай, Елена, — сказал Алаф, и его голос хлестнул по толпе, как кнут. — Или он, или мы.

— Нет «или», — прошептала я, но шёпот оказался громче, чем сама фраза. Слово эхом прокатилось по стенам зданий, и даже мостовая задрожала. — Будет так, как я скажу.

Огнар усмехнулся уголком губ, но в глазах его мелькнуло что-то похожее на страх. Он привык держать всех под контролем, привык к тому, что сила и приказ были единственным законом. Но здесь, в этом мёртвом городе, где стены слушали и воздух подчинялся чужой воле, он чувствовал, что его власть зыбка.

— Ты хочешь нас рассудить? — его голос был низким, угрожающим. — Тогда помни: если встанешь на его сторону, пути назад не будет.

Алаф хищно оскалился. — А если на мою — я отдам тебе половину.

Голоса в голове загудели, словно тысяча муравьёв ползли по вискам.

«Скажи, раздели, реши. Пусть твой выбор станет их приговором».

Я вцепилась пальцами в рукав Мика, стараясь удержаться в реальности. Он посмотрел на меня, глаза его горели — смесью страха и решимости.

— Не дай им разорвать тебя, — прошептал он. — Ты сильнее. Ты должна.

Но как можно быть сильнее, если город шепчет в уши, если каждый звук давит, если само небо ждёт крови?

— Хватит! — выкрикнула я, и звук ударил по ушам так, что люди пригнулись, прикрывая головы. — Никто не будет драться! Никто не получит больше!

Тишина после этих слов была такой плотной, что казалось, ею можно задохнуться. Но затем из толпы раздался голос — женский, сорванный, отчаянный: — А если еды не хватит? Что тогда?

Крик подхватили другие. Волнение пошло по толпе, словно волна. Люди роптали, спорили, кричали. Кто-то уже тянул руки к оружию.

Огнар и Алаф шагнули ближе друг к другу. Ещё миг — и они сцепятся.

Я подняла руку. Пальцы дрожали, но внутри — холод. Дар поднялся, словно из самой земли. Мир вокруг потемнел, лица расплылись, остались только глаза. Сотни глаз, смотрящих на меня.

— Слушайте, — сказала я, и голос был уже не моим. — Если кровь прольётся здесь, город запомнит это. Он запомнит каждого, кто поднимет оружие. И никто не выйдет отсюда живым.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, вязкие. Толпа стихла. Кто-то выронил нож. Кто-то опустил взгляд в землю. Даже Алаф нахмурился, как будто впервые почувствовал, что это не игра.

Огнар сжал топор и медленно опустил его на землю. — Она права, — сказал он, хотя голос его был хриплым. — Пока у нас общий враг, мы не будем тратить силы друг на друга.

Алаф посмотрел на него, затем на меня. В его глазах мелькнула ярость, но он тоже отступил. — Хорошо, — произнёс он. — Но помни: я не забуду.

Толпа разом выдохнула. Напряжение, которое держало всех, будто спало, но только снаряды. Внутри же оно продолжало копиться, как вода за треснувшей плотиной.

Город снова загудел. Стены отражали мои слова, превращая их в шёпот, в хор.
«Ты выбрала. Но выбор — только начало».

Я обернулась к Мику. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. В его взгляде было и восхищение, и страх.

— Ты их остановила, — сказал он.

Не нашлось ответа. Город уже шептал другой вопрос: «Кто остановит тебя?»

Дорога к складам казалась бесконечной. Улицы были пусты, но каждый шаг отдавался в висках, как удары сердца мёртвого зверя, которого мы разбудили. Толпа двигалась гулом, будто единое существо, жадное и голодное. Сначала — шаги, потом крики, потом уже шёпоты, перемешанные с тяжёлым дыханием.

Над крышами домов ветер раскачивал оборванные кабели, и они свистели, как струны. Звуки складывались в рваную мелодию, и казалось, будто сам город играет на этих чёрных жилах, развлекаясь нашей суетой.

Склады выросли впереди серыми громадами, застывшими посреди площади. Двери их были массивны, заклинившие створки походили на пасти, готовые разжаться и проглотить любого, кто рискнёт приблизиться.

— Там, — Огнар указал топором. Его голос был твёрдым, но глаза блестели жадным огнём. — Мы берём всё.

— Не всё, — отрезал Алаф. — Половина наша.

Они снова уткнулись взглядами друг в друга, и я почувствовала, как напряжение разгорается, словно уголёк в сухой траве. Толпа, ещё минуту назад готовая слушаться, теперь снова колебалась, как зыбкая почва под ногами.

Люди шептались, переглядывались. Кто-то уже тянулся вперёд, к дверям склада, будто боялся, что останется без куска. Руки дрожали, глаза блестели — не от надежды, от жадности.

— Стойте! — крикнула я. — Мы должны войти вместе, иначе

Но слова тонули в гуле. Толпа двинулась вперёд, и каждый шаг отдавался грохотом в груди.

Мир начал искажаться. Голоса усиливались, тянулись к сознанию.

«Дай им. Пусть разорвут друг друга. Пусть узнают цену жадности. Ты выживешь. Ты всегда выживешь».

Я стиснула зубы, но холод уже пробирался под кожу. Москва шептала, как заботливая мать, которая одновременно желает обнять и придушить.

Мик шагнул ближе, схватил меня за руку. — Ты должна их остановить, — сказал он. — Сейчас, иначе будет хуже.

Толпа ударилась в двери. Металл вздрогнул, заскрежетал, эхо пошло по площади, как раскат грома. Люди кричали, толкались, дрались локтями, зубами, ногтями. Не за еду ещё — за право оказаться первыми.

Я сделала шаг вперёд, подняла руки. Слова сами сложились на губах. — Остановитесь.

И мир застыл.

Крики оборвались, движения прервались, воздух повис густым свинцом. Толпа замерла, десятки тел с напряжёнными лицами. Они смотрели на меня — и сквозь меня, словно не я, а город говорил их глазами.

— Если войдёте сейчас, — произнесла я, — город закроет пасть. Он не выпустит вас.

Мой голос эхом раскатился по стенам. Но это был не голос — это был хор. Я слышала собственные слова, повторённые сотнями чужих ртов.

Алаф шагнул вперёд. — Ты пугаешь их, — сказал он. — Но я не верю тебе. Город мёртв. Если он жил когда-то, то вспышка убила его.

Он коснулся двери ладонью. Металл тихо вздохнул — и я почувствовала этот звук в костях. Город не был мёртв. Он только ждал.

Толпа снова зашевелилась. Люди тянулись к створкам, готовые рвануть. Я ощутила, как сердце ударилось в рёбра. Если они ворвутся внутрь сейчас, кровь прольётся. И город насытится ею.

— Не смей, — шепнула я, но голос вышел громче, чем хотела. — Не смейте!

И в тот же миг створки склада содрогнулись, будто от удара гигантской ладони изнутри. Люди закричали, бросились назад, но двери остались закрытыми.

Гул пошёл по площади. В висках звенело.

«Скажи. Дай приказ. И всё кончится».

Но если я скажу — чей голос будет звучать? Мой? Или города или возможно тех других?

Толпа ещё дрожала от недавнего испуга, но страх у людей быстро таял, уступая место жадности. В глазах уже не было сомнения, только голод и ярость. Казалось, что их нутро зовёт сильнее, чем любые мои слова.

— Откройте! — закричал кто-то из глубины. — Там еда, там вода! Нам нужно жить!

И крик подхватили десятки глоток. Люди толкались, давили друг друга плечами, тянули руки к створкам. Я видела, как дрожат их губы, как у многих по щекам катились слёзы. Но это были не слёзы боли, а слёзы жадности.

Мик стоял рядом, вцепившись в мою ладонь, словно боялся потерять меня в этом гуле. Его пальцы были ледяными.

— Они нас не услышат, — прошептал он. — Сейчас ничто их не остановит.

И тут двери вздрогнули.

Гулкий, металлический звук раскатился по площади, заставив сердца пропустить удар. Люди замерли, переглянулись — а затем бросились вперёд, визжа и хрипя, будто стадо зверей, почувствовавших запах крови.

Створки разошлись сами.

Медленно, с мерзким скрежетом, будто кто-то сдирал кожу с металла, они раскрывались в стороны, впуская в темноту.

И оттуда пахло.

Запах был не просто затхлым. Он был сладковатым, густым, приторным, как будто внутри хранили не еду, а гниющие тела. В горле пересохло, желудок скрутило спазмом.

— Это ловушка, — выдохнула я, и голос дрогнул. — Не входите.

Но толпа не слушала. Люди уже тянулись внутрь, переступали через порог, и их лица светились не страхом, а восторгом. Как будто запах этот для них обернулся амброзией.

Огнар шагнул вперёд, поднял топор и рявкнул: — Стойте!

Толпа послушалась его лишь на миг, но в этот миг я почувствовала, как город смеётся. Смеётся в каждом эхе, в каждом скрежете, в каждой дрожи воздуха.

«Дай им. Пусть войдут. Пусть узнают, что значит моя милость».

— Лена — голос Мика дрогнул. — Сделай что-нибудь.

Воздух вокруг сгущался, становился вязким. Всё плыло перед глазами, словно мир утонул в тёмной воде. Толпа стояла на пороге, готовая рвануться в эту зияющую пасть.

Я подняла руки. Не было сил говорить громко, слова сорвались шёпотом: — Остановитесь.

Люди застыли, застыли даже в позах шага, с вытянутыми руками.

Но двери продолжали раскрываться.

И изнутри на миг мелькнул свет — бледный, пульсирующий, словно внутри били огромные живые сердца.

Я почувствовала, что они смотрят на меня. Не люди. Не племя. Не даже толпа. А то, что скрывалось за этими дверями.

«Войди», — прошептал голос. — «Войди и узнай».

Шаг за шагом двери разошлись до конца, и тьма перед нами стала звать так, будто внутри кто-то раскрыл объятия. Толпа хлынула вперёд, ломая строй, срываясь с места, как вода после прорыва плотины. Люди кричали, рвали друг друга за волосы, падали и поднимались снова, лишь бы успеть первыми.

Я почувствовала, как всё внутри сопротивляется — хотелось развернуться и убежать. Но ноги сами шагнули внутрь.

Первое дыхание воздуха внутри оказалось пыткой. Он был густой, сладковато-тяжёлый, как пар над гниющим фруктом. Запах липнул к горлу, будто хотел поселиться там навсегда.

— Здесь не еда, — прошептал Мик, прикрывая рот ладонью. — Это не похоже на склад. И он был прав.

Внутри не было привычных стеллажей, металлических полок, контейнеров. Вместо этого — ряды тёмных стен, пульсирующих, словно в них текла кровь. Яркие полосы пробегали по ним, медленно перетекая, как огонь под кожей.

Толпа не замечала. Люди бросались к стенам, прижимались к ним, словно пили невидимую влагу. Их лица вытягивались, глаза закатывались. Кто-то начинал рыдать, кто-то смеялся. Слышался влажный чавкающий звук.

— Они сходят с ума, — выдохнула Тайра, и её голос дрожал.

Огнар рванул за руку мужчину, уже приникшего к стене. Тот огрызнулся, как зверь, вырываясь, и глаза его были пусты.

— Отойди! — взревел Огнар, но тот кинулся на него, царапая ногтями, визжа.

Топор сверкнул — и тело упало, подёргиваясь, будто в нём ещё жил чужой ток.

Толпа взревела. Часть ринулась к полкам, которых не было, хватая воздух, словно находили хлеб и мясо. Другие падали на колени, обнимая стены, будто это были матери, вернувшиеся из мёртвых.

И тут я увидела: то, что они «брали», исчезало в их руках. Куски хлеба растворялись, бутылки воды таяли, оставляя на ладонях слизь.

— Иллюзия, — прошептал Мик. — Они видят то, что хотят.

Я стиснула виски руками. Голоса стали громче, они били волнами, звали, манили.

«Ты тоже голодна. Ты тоже хочешь. Ты нужна мне. Войди глубже. Дотронься».

Кровь застучала в висках. Всё тело ныло от напряжения, но ноги вели дальше, к самому центру этого чёрного зала.

Там пульсировал свет. Бледное сияние, бьющее из пола, будто под тонкой коркой камня билось живое сердце.

Толпа металась, крики и смех сливались в дикий хор. Но в груди звучало только одно:

«Ты должна выбрать. Ты или они».

Толпа внутри склада уже не была людьми. Их лица искажались в звериные маски, голоса срывались на вой, а движения — на конвульсии. Они хватали воздух, рвали руками тьму, и им казалось, что они держат хлеб, мясо, бутылки воды. Но в следующий миг их ладони сжимали лишь слизь, которая капала между пальцев, оставляя на коже серые следы, похожие на ожоги.

— Это не еда! — закричала я, но меня никто не услышал.

Гул голосов Москвы стал громче. Он уже не шептал, а пел. В каждой стене, в каждом пульсирующем отблеске разливалась чужая музыка, ритм которой совпадал с биением моего сердца.

«Ты — часть меня. Дай им то, что они хотят. Ты можешь».

— Лена! — Мик дёрнул меня за руку, и его лицо мелькнуло в вихре хаоса, как единственный ясный островок. — Делай что-то! Сейчас!

Перед глазами вспыхнула сцена: мужчина из нашего племени, рыжебородый охотник, прижимал к стене женщину в сером городском комбинезоне. Она кричала, а он хрипел, словно

пьян, и царапал руками по стене, сдирая с неё влажные куски и пытаясь их есть. Женщина завывала, как ребёнок, и в этот вой вплелся хохот других.

— Остановите его! — крикнула Тайра, но никто не двинулся.

Огнар бросился вперёд, ударил охотника рукоятью топора по лицу. Тот рухнул, но уже через миг вскочил снова, глаза его горели пустотой, рот был полон серой жижи.

— Это колдовство, — прорычал Огнар. — Это твой город, девка! Он их сводит с ума через тебя!

— Молчать! — Алаф оттолкнул его, подняв нож. — Ты не видишь? Она сама встанет против нас! Это не город, это она ведёт!

— Лжёшь, пес! — Огнар замахнулся топором.

И толпа, будто почувствовав искру, зашевелилась сильнее. Они ринулись друг на друга, не различая уже, где свой, где чужой. Крики и стоны переплелись, и тьма стала тесной от тел, запаха пота и крови.

Я шагнула вперёд. Слова сами сорвались с губ.

— Стойте.

Никто не слушал.

Тогда я подняла руки. Внутри всё горело, будто каждая жила воспламенилась от искрящегося тока.

«Используй меня. Дай им покой. Дай им приказы. Они — твои».

— Нет — выдохнула я, но тело само сделало шаг вперёд.

И крик сорвался из груди, больше не похожий на человеческий.

— Замрите!

Мир вздрогнул.

Толпа застыла. Люди остановились в тех позах, в которых были: кто-то с ножом у горла соседа, кто-то с обрывком стены у рта, кто-то с ребёнком, поднятым над головой. Их лица вытянулись, глаза расширились, но тела не двигались.

Мик стоял рядом, широко раскрытые глаза блестели от ужаса. — Лена ты что ты сделала?

Но я не могла ответить. Внутри было пусто, как после пожара. Голоса отступили, оставив лишь гул, и только стены продолжали пульсировать.

Я шагнула дальше, к центру зала, туда, где бился свет. Казалось, что это сердце города дышит под тонким слоем камня.

— Это ты, да? — прошептала я, и голос сорвался. — Ты играешь нами.

«Нет, — раздалось внутри. — Это ты играешь ими».

От этих слов кровь застыла в жилах.

Позади раздался крик. Один из замерших людей рухнул на пол. Его тело растворялось, будто в него всасывали невидимые щупальца из пола. Другой упал рядом, и с ним произошло то же самое. Их лица исчезли первыми, затем руки, ноги.

— Нет! — выдохнула я и вскинула руки. — Отпустите их!

И свет в центре зала вспыхнул ярче.

Толпа снова оживила — но не вся. Те, кого стены уже коснулись, исчезли бесследно. Остальные очнулись, завывали от ужаса и рванулись к дверям.

Я чувствовала, что это не мой приказ отпустил их. Город позволил, он так решил.

Огнар и Алаф стояли, тяжело дыша, и смотрели на меня с ненавистью, которой не было раньше.

— Видел? — прохрипел Алаф. — Она не просто оружие. Она — враг.

— Заткнись, — бросил Огнар, но в его глазах уже мелькнуло сомнение.

Я повернулась к ним, и голос сам сорвался с губ:

— Я — ваша царица.

Эти слова не были моими.

И когда они прозвучали, стены склада вздрогнули, и Москва засмеялась — моим смехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.